

Литгалактика

Параг
Планет
Х
Проза

сборник текстов – победителей
прозаических конкурсов «Литгалактики»

Литгалактика

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров

Парад планет. Проза – Литгалактика,
2026. – 59 с.

В сборник вошли прозаические произведения – победители и призёры конкурсов, прошедших на сайте «Литгалактика» в десятие полгода полёта (18.07.2025 – 17.01.2026).

Планета X

I. Планета X

Планета X – самая загадочная в
Литгалактике.

Это планета непредсказуемых проектов, конкурсов и игр. Никто не знает заранее, куда и когда полетит в очередной раз Планета X, кто поведёт её в путь – не менее загадочный мистер Икс или кто-то из экипажа, какой именно маршрут будет предложен участникам и что от них потребуется.

Планета X

Конкурсы Планеты X:

Командная игра «Четыре грани – 4» – трёхтуровая игра, в ходе которой каждая из зарегистрированных команд представляла четыре грани творчества (прозаическое произведение, стихотворение, декламацию или мелодекламацию, авторскую фотографию).

Командная игра «Четыре грани – 4». 1 этап

Контрабас по пятницам

Ольга Зимина

Господи, как же мучительна суббота!

Тянетсѧ и тянетсѧ – вязкая, скучная, как расстоявшееся дрожжевое тесто.

Надо погулять с Максиком, прибраться в квартире... Но Варе ничего не хочется – она может только сидеть и ждать, когда день наконец-то иссякнет.

Воскресенье – уже полегче, впереди рабочая неделя. Работа аккомпаниатором в балетном классе не оставляет в голове пространства для глупых страданий. Но всё-таки – как же ещё далеко до пятницы!

...Ей не хотелось отправлять сына в музыкальную школу – слишком хорошо помнилось детство, загубленное нудными гаммами. Но в семье рулила бабушка:

– Это не обсуждается, Варвара, – сказала она в начале мая, – у нас в роду все музыканты. Позвони сейчас же и запиши Максима на прослушивание.

— У меня совсем нет времени и сил, мам... Я работаю... С ним же придётся сидеть и заниматься!

— Принести в подоле ты, значит, могла, а как заниматься – сразу времени нет? – мать прошелестела фразу одними губами – чтобы Максик-ушки-на-макушке ничего не рассышал. Такие вещи он моментально подхватывал и уносил в детский сад, на радость своей группы и к ужасу молодой воспитательницы.

Глаза матери сузились – и Варя затряслась, как набедокутивший щенок: будто бы ей не двадцать пять, а на два десятка меньше.

«А ты меня в чём принесла, мама?» – ей хотелось выплюнуть эту злую фразу в лицо матери, которая в своё время по какой-то нелепой причине лишила маленькую Варю общения с отцом... Но слова привычно застряли мокрым комом где-то в горлани.

– Я хочу играть в оркестре! На контрабасе! – крикнул Макс из своего угла, засыпанного горами деталей от конструктора. Он явно гордился, что нынче умеет выговаривать букву «р».

– Какой ещё контрабас?! Да тебя в него целиком запихнуть можно!

– Не можно, не можно, я скоро вырасту и буду выше контрабаса! – сын моментально заревел. Он был мал ростом для своих «почти шести» и не выносил, когда ему об этом напоминали.

Бабушка побежала утешать, обзывая Варю «непутёвой маман».

Ну, что ж... Контрабас, значит? Ладно.

Варя привела Максика на прослушивание в родную музыкалку – и сидела на жесткой скамье перед кабинетом, разглядывая прочих мам, томящихся в ожидании чад. Женщины подобрались солидные: ни за что не поймёшь, мамы это – или молодые подтянутые бабушки.

Обстановка школы была привычна. Даже злая вахтёрша Анна Николаевна восседает на своём стуле в той же позе, что и девять лет назад. Варя ждала сына под дверью кабинета, вязала разноцветный шарф и пыталась разобраться в чувствах: рада ли она вновь видеть родные стены.

– Вы мама Максима Ильина?

5

– Да! – она вскочила с места и засуетилась, не зная, куда запихнуть вязание.

Высокий, очень высокий человек; длинные волосы, умные тёмные глаза. Крошка-сын стоял рядом с незнакомым мужчиной и взирал на того снизу вверх с восторгом. Варя почувствовала: Максик едва сдерживает желание ухватить педагога за руку.

«Это не контрабасист, это какой-то оперный контрабандист! Красавчик Хосе!» – ревниво подумала Варя. И ужасно застеснялась, внезапно ощутив собственную синечулковость, неготовность к знакомству с педагогом мужского пола.

– Мы приняли вашего мальчика на подготовительное отделение, – сказал мужчина звучным басом. – Зайдите, пожалуйста: нужно заполнить бланк договора.

Варя ещё больше смущалась, вспомнив, что не помыла с утра голову и отчаянно сожалея, что контрабасисту с высоты его роста видна её неаккуратно причёсанная макушка. И корни, небось, отросли...

Мельком глянула: есть ли у красавца кольцо на безымянном пальце?

Кольца не было.

«Интересно, а он посмотрел – есть ли у меня кольцо?»

– Меня зовут Михаил Евгеньевич, – вежливо представился мужчина, открывая массивную дверь своего кабинета и пропуская Варю с Максиком вперёд.

– Варя, то есть, Варвара Львовна…

…И теперь она едва-едва могла дождаться пятницы. По вторникам Макса на занятия водила бабушка.

Варя заходила в класс – и переставала что-либо соображать.

«Он, наверное, считает меня идиоткой!»

– Ну что же вы, Варвара Львовна, всё молчите? – неизменно спрашивал Михаил Евгеньевич.

И чуть прищуривался, внимательно разглядывая Варю. Варя ёжилась под его взглядом, пыталась отвернуться и сгорбиться. С ужасом прикидывала: не размазалась ли тушь? Не заметна ли под узкой облегающей юбкой предательская резинка утягивающего нижнего белья? Нет ли на подоле пятна от слюнявого поцелуя соседского бульдога Жорика?

6
Весь урок она смотрела на контрабасиста. Тот откровенно наслаждался женским вниманием: мягко ворковал, объясняя Максу технические моменты игры на инструменте. Периодически оборачивался и спрашивал:

– Ну, Варвара Львовна, так ведь правда лучше? Молодцы мы с Максимом?

Варя кивала и прижимала к горячим щекам белые холодные пальцы.

Иногда ей что-то такое мерещилось. Вот он пристально посмотрел ей в глаза – разве нет? Вот – словно невзначай! – накрыл её руку своей огромной ладонью, объясняя, как нужно контролировать и направлять движения Максикового смычка во время домашних занятий.

Она напряженно ждала: может, он пригласит её куда-то? Вдруг? Или хоть как-то даст понять, что её чувства не безответны?

Но урок заканчивался. Михаил Евгеньевич дружелюбно махал рукой на прощание – и сразу отворачивался, приветствуя новую пару «мама-сын», Елену и Вадика, приходящих на занятия в восемнадцать сорок пять.

Пятница за пятницей. Неделя за неделей.

...Иногда он говорил: нужно больше заниматься, и Варя бросала все дела. Канифолила смычок, настраивала инструмент, сидела рядом с сыном до позднего вечера, пока соседка снизу не начинала отчаянно колошматить шваброй по старинной чугунной батарее.

«Михаил Евгеньевич велел не оттопыривать локоть, ля бемоль ниже, веди смычок ровно!»

От тоски немного спасали встречи с подругами.

– Да спроси ты его открытым текстом, не хочет ли он с тобой встречаться! Это лучше, чем так мучиться, – советовала Ника.

– Не могу... – виновато отвечала Варя, – Он же педагог Максика, понимаешь? А если он ответит «нет», как я дальше буду сына к нему водить?!
7

– Ну и дура, – вставляла Саша, – и сколько лет ты так страдать собираешься? Признаешься в любви на пенсии?

– И тогда не признаюсь. Боюсь...

– Ох, Варька, что же с тобой делать? Почему ты такая нерешительная?

Подруги удручённо переглядывались и отставали.

...К пятнице она готовилась, как на первый бал. Красилась, примеряла наряды, – и в расстройстве швыряла их на тусклый старинный паркет.

– Что ты там копаешься? Всё расфуфыриваешься? – кричала ей мать из кухни, – сейчас Максик опаздывает!

– Да! Не рас-фу-фыривайся! – подпевал довольный сын, уже прикидывая, как выдаст это новое слово подружке Ольке, когда та станет слишком долго вертеться у зеркала после тихого часа...

– Смотри, второго в подоле мне не принеси! – шептала мать, без стука заглядывая в Варину комнату, – знаю, какой красавчик этот ваш педагог. А ты, вижу, уже перья распушила...

Варя знала, что в ответ на такие выпады нужно глухо молчать. Да и что она могла ответить?

«Да, мама, если у меня получится – я обязательно принесу в подоле второго!»

Но ничего не получалось.

...Так прошёл первый год обучения в музыкальной школе.

Потом второй.

Начался третий.

Сын тянулся вверх, пытаясь соответствовать своему гигантскому инструменту. В какой-то момент Варя вдруг глянула на него и поняла, что её ребёнок – никакой не Максик: полноценный Максим.

...Любая пытка не бесконечна. В начале сентября Михаил Евгеньевич встретил Варю в коридоре перед кабинетом и твёрдо сказал:

– А теперь, Варвара Львовна, Максим должен заниматься один, без мамы и бабушки. Большой уже парень.

Варя растерялась.

– А как же я?

– А вы пока подышите свежим воздухом, погода сегодня хорошая.

Она не нужна. Её не хотят видеть на уроках!

Варя не попрощалась – развернулась и растерянно побрела вниз по широкой мраморной лестнице. Слегка оступилась на выщербленной ступеньке, тоненько ойкнула, ухватилась за перила. Михаил Евгеньевич резво сбежал вниз и подхватил её под локоть.

– Всё в порядке? – спросил он.

– Да, – ответила Варя.

В горле противно защекотало. Она не выдержала и всхлипнула. Контрабасист, услышав этот сдавленный звук, явно встрепенулся.

– Варвара Львовна, я позову вам вечером? Можно?

Она неуверенно кивнула.

– В девять, – громко сказал он, заметив внимательный взгляд церберши Анны Николаевны, наблюдавшей за ними из будки. – Нужно будет поговорить о дальнейшем профессиональном развитии Максима.

...До вечера она пребывала в оцепенении:

плялилась в окно, где весёлый сентябрьский вихрь завивал спиральами разноцветные кленовые листья. Макс играл в соседней комнате что-то очень знакомое, щемящее-нежное. Варя никак не могла вспомнить, чья же это мелодия...

Телефон запирикал ровно в девять.

9

«О Боже мой! Как страшно!»

– Варвара Львовна...

Варя чуть замешкалась, потом набрала воздуха и выдала заранее отрепетированную фразу:

– Михаил Евгеньевич, прошу вас, зовите меня просто Варей...

– Варя...

Он замолчал.

– А вы не хотите сейчас выйти со мной прогуляться, Варя? Ненадолго.

– Шестьдесят четыре, – невпопад ответила та.

– Простите?

– Я ждала вашего приглашения шестьдесят четыре пятницы. Это если не считать каникулы и наши пропуски по болезни...

Ей вдруг стало легко и немного смешно.

Контрабасист хмыкнул в трубку, прокашлялся, затем медленно ответил:

– Да. А может, перейдём на ты наконец-то?

И, не дожидаясь ответа, заторопился:

– Знаешь, Варя, я какое-то время тоже считал наши уроки по пятницам. Потом сбылся: я до стольки считать не умею. А сегодня вдруг твёрдо решил: больше этих партизанских пыток не будет.

«Он улыбается», – поняла Варя.

– Не будет, – эхом откликнулась она.

Максим за стеной продолжал играть.

«Да это же «Сентиментальный вальс» Чайковского, – вдруг догадалась Варя, – подходящая музыка для нынешней пятницы!»

Командная игра «Четыре грани – 4». 2 этап

Гамаюн

Ольга Зимина

В тот миг – последний – падая на пылающий пол, он услышал в голове её голос:

– Ты – Птица Феникс, Федя!

– Я не хочу! – взревел Фёдор, вскочил и рванул к дверному проёму. Выбил ногой дверь, вывалился на снег, ощущив горящей спиной ударную волну. Гараж за спиной взорвался, взметнув в чёрное ноябрьское небо миллиард разноцветных искр.

Фёдор перекатился на спину, сбивая огонь.

«Я не жилец».

Он словно смотрел на свою гибнущую оболочку откуда-то со стороны – отстранённо, почти без сожаления. Печаль была только одна: Галя, Птица Гамаюн, остаётся в этом мире без него. А она ведь – истинная вешунья! – чувствовала опасность заранее, предупреждала его, уговаривала не брать эту халтуру... Как же он мог так её подвести?!

Боли не было. Лишь покой и безмятежность. Вот она какая – смерть, о которой никогда прежде всерьёз не думалось. Да и зачем размышлять о кончине в двадцать семь лет, когда всё ещё впереди, когда с ним – самая добрая на свете девушка?

Из соседнего дачного домика выскоцила Света, жена Славика, хозяина гаража, где Фёдор подрабатывал – собирал кустарные фейерверки к новогодним праздникам. Фёдор вновь словно очутился в своём теле, приподнял голову со снега и увидел, что Света разевает рот в беззвучном крике.

«Интересно, есть у меня шанс?»

И ещё одна мысль: «Надо во что бы то ни стало выжить ради Гали».

...В скорой Фёдор очнулся и понял, что слышит слова врача:

– Не гони! Всё равно не довезем. Точно не довезём!

– Довезёте! Я – Феникс... Несгораемый... – просипел Фёдор.

– Смотри-ка, говорить может! – обрадовался врач.

– У него на груди вся кожа целехонька. И тату красивое... Птица какая-то сказочная, с женским лицом, – пролепетала молоденькая медсестра, стараясь удержать капельницу – машину сильно тряслось на ухабах. Медсестре было страшно смотреть на обгоревшего человека, но она не могла отвернуться.

– Это моя птица Гамаюн... Галюша... – прошептал Фёдор. И вновь потерял сознание.

...Первая работа. Первый клиент, которому она будет самостоятельно набивать татуировку. Ой-ой! Катерина, хозяйка салона, пообещала, конечно, что будет рядом – «на подхвате» – но это Галю не успокоило: лучше бы Катерине не видеть трясущиеся руки новой тату-мастерицы.

Десять ноль-ноль. Сейчас придёт её первый в жизни клиент. Этот клиент – Фёдор – приглянулся ей ещё в понедельник, во время его первого визита.

...В тот день Гая проходила практику: наблюдала за работой Катерины и подавала кофе посетителям салона. Вечером к ним зашёл худощавый молодой человек: длинные каштановые волосы, внимательный взгляд. Он уселся в кресло и протянул Катерине распечатанные на принтере эскизы.

– Смотрите, девушки, пойдёт вот это на левое предплечье?

Гая тоже глянула: таинственное туманное озеро, в центре озера – скалы, поросшие густым ельником. По водной глади скользит лодка с какими-то неясными фигурами.

– Ух ты, какая красота, – восхитилась Гая, – мне нравится!

И застеснялась, прикрыла губы ладонью: а вдруг её реплика прозвучала слишком по-детски?

– Это – на память о моей первой великой любви, – пояснил молодой человек, покосившись на Галю с лёгкой понимающей улыбкой. – Моя девушка обожала эту картинку. Она не дождалась меня из армии, выскочила замуж. Родила тройню, дай Бог ей терпения. А татушка эта мне будет напоминанием о том, что нужно уметь выбирать людей – тех, которые дождутся.

– Да, – отозвалась Гая.

– А вот это – на правое предплечье, – молодой человек открыл вторую картинку: раскрытая книга; по страницам книги разлилось море, по волнам скользит лёгкий парусник.

– На память о второй великой любви? – Гая осмелела, заметив, что клиенту нравится их болтовня. – Она любила морскую тематику и родила четверняшек?

– Это – память о моей собственной мечте. Я в юности много читал о морских путешествиях, собирался вырасти и начать ходить под парусом. Но изменил себе: нынче хожу исключительно в горы. – Слушай, а давай на ты? Я не спросил: как тебя величают? Катерину-то я давно знаю...

– Гая. Иногда – Галка.

– А я – Федя, – представился клиент.

И продолжил тему:

– Так ты, значит, птица Галка?

– Если уж птица, то тогда – Гамаюн. Была такая сказочная птица-предсказательница в славянской мифологии. Без крыльев, с женским лицом.

– А почему вдруг такая кликуха?

— Я иногда вижу картинки из будущего... Школьная классная руководительница звала меня вещуньей...

— Ого, как интересно! Ты небось совсем недавно школу закончила?

— Год назад. Ездила в Питер поступать в театральный – естественно, провалилась. Вот, обучилась на курсах тату-мастеров... Прохожу практику. Кстати, ты не хочешь стать моим первым клиентом?

— Хочу. Тренируйся на мне, Гамаюн!

— Договорились, приходи в четверг, Федя, – вмешалась Катерина. – В десять утра сможешь?

— Смогу. До четверга! – Фёдор помахал рукой и стремительно направился к выходу.

Фёдор настолько заинтересовал Галю, что она глянула ему вслед своим особым вещунинным глазом – и тихонько вскрикнула: ей привиделось, что фигура Фёдора в дверном проёме объята пламенем.

В четверг они работали на пару с Катериной – та заметила дрожащие Галинины руки и деликатно предложила новой мастерице помочь.

Вечером Гая позвонила Фёдору – спросить о самочувствии.

— Птица Гамаюн, это ведь ты? Я сидел и ждал твоего звонка с вопросом о моем драгоценном здоровье, – весело ответил Фёдор в трубку.

— Как вы, Фёдор? – спросила Гая радостно: он ждал её звонка! – Ничего не беспокоит? Нет жжения или озноба?

— Хорошо я себя чувствую, очень доволен вашей с Катериной работой. Знаешь что, а заходи-ка сейчас ко мне в гости, я живу недалеко от салона, на Кузнецкой. Я, правда, обитаю с мамой, но она у меня классная. Сегодня у нас на ужин вишнёвый пирог!

— Почему нет? Могу заскочить через полчасика.

Закончив разговор, Гая метнулась к трюмо и начала прихорашиваться.

Мама – и впрямь – оказалась классной: весёлой и лёгкой. Как Фёдор.

Квартира утопала в растениях: комнатные розы, пальмы, душистые пеларгонии... От запаха пирога, растений и тёплого света фитоламп жильё показалось Гале сказочным чертогом.

«Здесь явно проживают добрые волшебники», – решила она.

— Ну что, Гамаюн, понравилась тебе моя берлога? Переедешь ко мне? – спросил Фёдор вечером, провожая Галю до дома, где та жила с мамой, отчимом и младшей сестрой.

— Что, Федь, прямо вот так сразу?

— Что ты, что ты, я не тороплюсь. Можешь денёк-другой подумать... А вообще – чего тянуть-то? Мы с мамой люди хорошие, а жизнь слишком коротка...

И на миг Гая вновь увидела вокруг Фёдора ореол из языков пламени.

— Да. Перееду. Жизнь действительно коротка... – откликнулась она.

Помолчала и добавила – ни к селу ни к городу:

— А ты – Птица Феникс, Федь. Ты несгораемый. Помни об этом!

...В июле Галя легко поступила в педагогический институт. По вечерам работала в тату-салоне. Жили у Фёдора.

Тот подрабатывал где только мог: контора, где он трудился программистом, внезапно закрылась.

В середине ноября Галя набила Фёдору новую татуировку: бескрылую птицу с женским лицом. Внимательно рассматривая готовый рисунок, она в третий раз увидела внутренним взором Фёдора, объятого пламенем.

– Феденька, умоляю тебя, будь осторожнее со своей пиротехникой... Я вижу страшные образы.

– Всё будет окей, птичка моя вещая. Я очень осторожен. Сейчас ударно потружусь, а на новый год махнём отдыхать в горы. Буду тебе предложение делать!

...Оба предплечья и спина сгорели полностью, татуировки не сохранились. Кожу для повреждённых участков тела взяли с ног, пропустили сквозь специальную растягивающую машинку. Дизайн получился весьма интересный: после заживления Фёдор оказался словно покрытым маленькими ромбиками. Он старался не унывать: шутил, подтрунивал над своим новым обличком. Смех отзывался в теле невыносимой болью.

Дважды после сложных пересадок кожи сердце Фёдора останавливалось, но врачи возвращали его к жизни.

Галя разрывалась между поездками в ожоговый центр, работой и учёбой. В палату её не пускали: в мире началась вирусная эпидемия. Галя оставляла передачи – протёртые супы и пюре – и возвращалась на электричке назад, в квартиру, где она по-прежнему жила вместе с мамой Фёдора.

Как-то раз, уже по весне, когда Фёдор на полшага отступил от страшной черты, молодой врач-комбустиолог Евгений, специалист по пересадке кожи, присел на край кровати Фёдора с серьёзным разговором.

– Ты, брат, знаешь, что я хочу сказать? Ты не бери на свой счёт, если девушка передумает за тебя замуж выходить. Вы меньше полугода вместе прожили, верно? Я со своей три года встречался – а как попал в серьёзную аварию, так больше её и не видел... Твоя-то совсем молоденькая, со школьной скамьи. Ты выглядеть и чувствовать себя нормально уже никогда не будешь, не надейся. И девушке не обещай. Мы красоту не наведём, не до жиру... – врач вздохнул и отвернулся.

– Жень, не бери в голову! Вы меня вытащили – и это прекрасно. Ещё поживу! А внешность – так Галя меня не за красоту любит. Я в ней уверен.

Когда Фёдора наконец-то перевели в обычную палату, куда разрешалось заходить посетителям, Галя прибежала сразу же, прогуляв лекции. Смотрела на Федора открыто, радостно, не замечая страшных шрамов.

— Гамаюн... — сказал Фёдор. На правой руке у него сохранилось всего два пальца — врачи зафиксировали их в полусогнутом состоянии. Федор осторожно прикоснулся искорёженной клешнёй к тонкой руке девушки.

— Знаешь, родная, когда мне пересаживали кожу, я месяц провёл в бреду. И всё время видел одну и ту же галлюцинацию: ты сидишь за письменным столом, словно бы у нас на даче, во дворе, на фоне вечернего неба. Пишишь что-то на бумаге, а ветер вырывает листы из твоих рук, разносит в разные стороны...

— Ты, наверное, видел, как я молилась... Я часами писала Богу письма с одной и той же просьбой, потом делала из листов самолётики, и мы с твоей мамой запускали их с балкона. И письма дошли! Ты возродился из пепла...

Командная игра «Четыре грани – 4». 3 этап

Время молчания

Ольга-Клен

Опять мы молчим не о том! Мы вчера молчали

На эти дурацкие темы и кофе пили...

Братислава

Написано на основе реальных событий.

Больничный парк по периметру простреливался взглядами бдительных медиков, и покурить на его территории было абсолютно негде. Но стояла одна затерянная скамейка на отшибе, которую бережно обнимал разросшийся куст сирени. Вот её-то я и присмотрела для сознательного нанесения вреда своему здоровью.

После врачебного обхода я под благовидным предлогом «подышать» направилась к своей скамейке. Но там уже кто-то был. Раздвинув ветки, увидела даму не то что не первой молодости, но даже не первой старости. А вот назвать её старушкой язык не повернулся бы даже у закостенелого циника. Тут же в голове включилась песня «Моя бабушка курит трубку...». Нет, дама трубку не курила. В её сухой, с проступающими жилками руке была крепко зажата профессионально скрученная козья ножка. Рядом стоял термос и кружка с кофе.

– Тоже подымить зашла? Проходи, присоединяйся, – пыхнула мне навстречу термоядерным облаком бабушка. – Бэлла, – представилась она, а увидев в глазах не успевший прозвучать вопрос, подтвердила, – просто Бэлла. И на «ты». Терпеть не могу расшаркиваний. Кофе будешь? Сигарета без кофе – словно секс без любви. Да не тушуйся! Как зовут-то?

– Надежда, можно Надя, – глотнув бабушкиного дымка, закашлялась я.

– Вот, как привыкла после войны к самокрутке, так ничем другим накуриться не могу, – извиняющимся тоном произнесла моя новая знакомая и наклонила голову. Через густую седину кое-где пробивались тёмные волосы, и это сочетание придавало сходство причёски Бэллы с благородством потемневшего со временем серебра.

Какое-то время мы молча смахивали кофе с табаком, каждая размышая о своём, о девичьем. Неожиданно Бэлла произнесла:

— А знаешь, Надюша, сколько в моей жизни было долгих часов молчания? Разного. Тяжёлого и оздоравливающего. Обидного и прощающего. И только лучшие минуты тишины я всегда старалась сопроводить кофе с папиросой. Вот как сейчас, — Бэлла затянулась и медленно выпустила на волю через упрямые, чётко очерченные губы тоненькую струйку сизого дыма.

— Кофе до невозможности вкусный! Похож на тот, что заваривает моя мама, — пыхтела я сигаретой с фильтром, запивая каждый пых ароматным, густым напитком.

Бэлла застыла и долго смотрела на перепрыгивающего с ветки на ветку воробья. Молчание затянулось, но оно не было тягостным. Вдруг моя новая знакомая очень тихо произнесла:

— Меня готовят к операции. Завтра с утра назначена. Посиди со мной ещё, если не спешишь. Хочу тебе про свою жизнь рассказать, как говорится, душу облегчить. Не возражаешь?

Увидев моё искреннее внимание, Бэлла начала рассказ:

17

— Я родилась в Германии за несколько лет до войны. Помню, как родители были счастливы своей любовью и старались одарить ею всех вокруг. Мама Мира щебетала о чём-то без остановки, отчего папа Семён называл её «моя птичка». А по утрам они сидели на крошечной веранде, пили кофе и молчали. Это я потом поняла, что они так разговаривали. Молча. Им не нужно было произносить слова. Они вели безмолвный диалог, понятный только им двоим. У меня в жизни никогда не было такого близкого человека. А у тебя?

Завороженная рассказом Бэллы, я только помотала головой, боясь разрушить хрупкое доверие ко мне незнакомой женщины из другой жизни.

— Очень ярко помню, как мы с родителями шли по Гартенштрассе от парка до дома. Я гордо восседала на плечах у папы и воображала, что была выше всех в Мюнхене. Мама кружилась рядом, забегала то слева, то справа и смеялась. Кажется, это было самое беззаботное время, которое я провела со своей семьёй. Через несколько лет, в тридцать восьмом, мы ночью бежали по этой улице из Германии на восток, спасаясь от еврейских погромов. Тогда я получила свой первый урок молчания, — продолжала вспоминать Бэлла, и её самокрутка начала тревожно потрескивать.

Когда на нашей улице появились мужчины в чёрных рубашках с дубинами и факелами в руках, папа отправил меня с мамой в подвал и наказал сидеть тихо-

тихо, пока он не придёт за нами. Там мама предложила поиграть в молчанку, чтобы чужие дяди нас не нашли. Мне тогда очень хотелось рассказать, сколько у соседского Борьки монет в копилке, как больно царапается тётьсарина кошка, зачем я выменяла у Магды лоскуток ткани на парочку перламутровых пуговиц. В этот момент мне было так трудно молчать! Но я выдержала. Через некоторое время пришёл папа и велел срочно собираться в дорогу. Хорошо, что у нас был велосипед. Я весь путь просидела на нём среди узлов и чемоданов.

Бэлла ненадолго замолчала. Над кустом сирени нависла тяжёлая, похожая на клубы табачного дыма, тишина. Худенькие плечи немолодой женщины в больничной пижаме выглядели так беззащитно, что захотелось их обнять. Но я не решилась.

– Война догнала нас в Прибалтике. Мама уже редко улыбалась. Только утренние кофейные посиделки они с папой не забыли. Просто сидели сейчас не на веранде, а на кухне и молчали, не отрывая взглядов друг от друга. Мама иногда плакала. Папа только вздыхал. Думаю, эти минуты безмолвного общения давали им силы жить дальше.

Мы осели на окраине небольшого городка. Вокруг бушевала война. По улице тарахтели военные машины, слышалась знакомая немецкая речь. Мне казалось, что мы снова в Германии. И я недоумевала, почему родители не выпускают меня погулять. Однажды на нашу улицу завернул большой грузовик, из которого посыпались мужчины с оружием. Они по-хозяйски заходили в дома, вскоре оттуда звучали выстрелы. Папа открыл встроенный шкаф-пенал в стене, впихнул меня туда, строго-настрого приказав сидеть молча и не высовываться, что бы ни случилось. Я всегда была худенькой, но даже мне было трудно в нём поместиться. Нужно сказать, что этот шкаф невозможно было заметить, не зная, что он есть. Когда-то кто-то заделал нишу фанерой и наклеил на неё обои. Спасибо ему!

Я видела, как мама с папой стояли посреди комнаты, взявшись за руки и молчали. Только смотрели друг на друга и молчали. Но каким тревожным было это молчание! Через несколько минут в комнате появились мужчины с оружием и повязками на рукавах. Они что-то кричали на незнакомом мне языке, тыкали оружием в маму с папой, а потом невысокий блондин с красным шрамом на бледном лице гаркнул: «Юда». Послышались выстрелы. Мама с папой упали. Они и тогда не перестали смотреть друг на друга. Смотреть и молчать. Уже навсегда.

В тот момент моя психика словно предохранители включила. Я видела этот ужас и отказывалась верить, что всё происходит не в кошмарном сне. Неотрывно смотрела из шкафа и ждала, что вот-вот родители поднимутся с затоптанного чужаками пола, отряхнутся, возьмутся за руки, посмотрят друг другу в глаза и вызволят меня. Чтобы не разрушить эту надежду, я должна молчать. Обязательно молчать! Только тогда мама с папой встанут... И я молчала. Несколько месяцев не могла говорить.

Над лавочкой повисла тяжёлая, липкая тишина. Бэлла заново переживала смерть родителей. В тысячный раз. Я застыла, боясь пошевелиться и ... заразиться смертью, выплеснувшейся из рассказа. Откуда мне пришла эта мысль, не знаю, но она всецело заняла моё воображение. В реальность вернул изменившийся, ставший каким-то плоским, голос Бэллы:

— Ночью, когда на улице всё затихло, меня нашла соседка Марта. Она и вырастила меня. И выучила. Я стала хирургом. Кстати, всю жизнь проработала вот в этой самой больнице, — Бэлла повернулась в мою сторону, мол, как тебе эта новость, и продолжила. — Замуж даже один раз сходила. И молчали мы с молодым мужем тоже, но как-то по-дурацки молчали. Просто не разговаривали друг с другом по несколько часов после размолвок, ссор, непонимания. Знаешь, я так и не смогла встретить того, кто мог молчать со мной в унисон.

Бэлла махнула рукой, то ли разгоняя табачный дым, то ли воспоминания о замужестве. Потом затушила обжигающий пальцы окурок и допила остатки остывшего кофе.

— Не устала от моей исповеди? — вздохнула новая приятельница, но увидев на моём лице искреннее участие, продолжила, — однажды в середине восьмидесятых поступил к нам в отделение старик с язвой желудка. На обходе я так и обомлела — это был он, убийца моих родителей, белобрысый полицай со шрамом на лице, сильно постаревший, но это был он. Сколько раз эта встреча мне снилась в кошмарах! Сколько раз я мысленно представляла, как мы столкнёмся с этим нелюдем наяву! Я придумывала самые страшные кары для него. А тут ноги словно к полу приросли. Пробормотав что-то дежурное, кое-как вышла из палаты. Назавтра я должна была оперировать его. Оперировать, чтобы он жил! Представляешь?

Это была самая тяжёлая ночь в моей взрослой жизни. Я сидела в своём кабинете напротив окна, пила кофе и курила. Молча. Глядя на мирный спящий город. В нескольких десятках метров от меня спокойно спал он. Пару раз за ночь я заходила в палату к пациенту со шрамом. Потом опять молча курила

возле окна... Вон то окно, на пятом этаже, возле шахты лифта, видишь? Там и был мой кабинет.

– Госпожа Бэлла! Госпожа Бэлла! Пора на укольчик, – послышался звонкий женский голос в нескольких метрах от нашего укрытия. – Где же вы, госпожа Бэлла? Небось опять курите! Это же так вредно в вашем возрасте! – миловидная сестричка раздвинула ветки сирени и сморщила носик от едкого облака, окутавшего нас с Бэллой.

– Милочка, в моём возрасте уже вредно жить, а всё остальное можно, – поднимаясь и собирая пожитки, усмехнулась Бэлла.

– А что было дальше? Вы сделали операцию? – в нетерпении подала я голос, видя, что собеседница уходит.

– Нет. Пациент умер той ночью.

Планета ТАУКиТА

II. Планета ТАУКиТА

Планета ТАУКиТА – это особенная планета Тематических Авторских Уникальных Конкурсов и Творческого Авангарда.

Любой зарегистрированный на Литгалактике автор с разрешения экипажа может объявить за свои космобаллы собственный мини-конкурс на любую тему.

Прозаические конкурсы планеты ТАУКиТА:

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь» – серия прозаических конкурсов с заданием спрятать в тексте название одного из заданных произведений.

Рассказы о чуде, удаче и судьбе. Авторский конкурс D Grossteniente Okku

Необыкновенные письма. Авторский конкурс Елены Картуновой и Туранги – смешанный конкурс стихов и прозы

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь». Конкурс третий

Боренька
Marara

Ей опять снился Боренька, в том прекрасном трогательном возрасте, когда дети верят в сказки и так близки своим мамам. Они стояли у ограды, обвитой вьюнком, и из нежного зева цветка вылетела, как ей показалось, пчела. Но Боренька храбро протянул к ней ладошку, пчела села на один из его пальчиков, а мальчик радостно закричал:

– Мама, смотри, феечка!

И, действительно, на пальчике её сына сидела крохотная девочка с прозрачными крыльышками за спиной, а Боренька тут же заканючил:

– Мам, давай возьмём её к нам домой! Она будет жить в спичечной коробке, а я буду кормить её мандаринками! Давай, мам!

– Феечкам нравится летать в небе – строго ответила она сыну, – и феекина мама будет волноваться!

22

В реальности всё, конечно, было иначе. Они с Боренькой стояли той же ограды и ждали Аркадия. Хозяин хаты забил телёнка и обещал им продать кусок парного мяса. Но ей не хотелось, чтобы впечатлительный мальчик наблюдал, как разделывают кровоточащую тушу животного, да и самой видеть этого не хотелось, и она, отправив мужа за телятиной, развлекала малыша небылицами. Цветочки, мол волшебные, – не цветы, а граммофончики от невидимых проигрывателей, и феи прилетают сюда по ночам, чтобы танцевать в лунном свете под их музыку.

– А почему же цветочки днём не поют? – удивился Боренька, слушавший её рассказ с раскрытым ртом, – Может, я тоже хочу танцевать под их песни и музыку?

– А может, ты их просто не слышишь? – беспечно заметила она. – Может, к ним нужно получше прислушаться?

И она тут же пожалела о своих неосторожных словах: мальчик прижался своим оттопыренным розовым ухом к ограде с лозой, а ведь не известно, какие там ползают насекомые.

Но всё обошлось, и через минуту Боренька запрыгал на одной ножке, восторженно сияя глазами и тараторя:

– Мам, они поют! Колокольчики очень тихо поют, и их трудно расслышать!

Они с Аркадием и Боренькой почти каждое лето проводили отпуск на базе отдыха от её работы. Муж её постоянно пропадал в ответственных командировках, и она очень ценила эти, выпавшие на её долю, дни совместной семейной идиллии. Аккуратные домики, рассыпанные в сосновом лесу, речка, небольшое село под боком, – о чём ещё мечтать? Дважды в неделю на краю базы отдыха работал небольшой базарчик, где она закупала свежие продукты и договаривалась с какой-нибудь бабушкой о парном молоке, таком полезном для ребёнка, и поутру они обычно с Боренькой шли за договоренным молоком в деревню, а муж в это время рыбачил. И когда она возвращалась, в маленьком тазике на кухне уже серебрились караси и краснопёрки. Они с мужем дружно чистили рыбу, потом засаливали её, и к концу отпуска под крышей их домика красовались низки почти готовой таранки, укутанный в марлю – защита от вездесущих ос.

Годы их жизни были похожи друг на друга, – менялся разве что Боренька. Сперва детский сад, потом школа. В пионерский лагерь он ездить не любил, а база отдыха ему нравилась. Со временем он начал с Аркадием удить поутру рыбу, и за молоком она ходила уже одна. Но к полудню мужчины возвращались с уловом, а вечером Аркадий брал лодку, и они все вместе отправлялись на вечернюю прогулку. Сперва грёб муж, потом сын, а ей оставалось лишь наблюдать за скольжением прибрежных пейзажей и с грустью думать, что каникулы не навсегда.

Впрочем, она свою работу любила, а Борина учёба проблем ей не доставляла – сынок получал одни пятёрки, и на родительских собраниях краснеть не приходилось.

Однажды, правда, она всполошилась: в шестом классе её тихого послушного мальчика усадили за одну парту с Серёжей Коробовым – второгодником и грозой всей школы. Вдобавок, её сына обязали подтянуть двоечника по учёбе: немыслимое, если подумать, задание для пионера. Но тут уже впряглась она сама, и наводивший на учителей страх хулиган к её удивлению оказался обычным, неглупым, хоть и запустившим учёбу, подростком. Её он почему-то уважал и слушался. По вечерам они занимались втроём: она, Серёжа и Боренька. В итоге и Серёжины оценки полезли вверх, и к концу школы он учился на крепкие четвёрки, а мать его – несчастная, брошенная пьющим мужем женщина, её и Борю боготворила.

Серёжину успехи стоили ей немалых сил и времени, зато у Бори появилась мощная защита от школьной шпаны: при Серёже никто не смел обижать её мальчика. А, может, и защита приятеля была ему не нужна – парень-то рос бесконфликтным, её сына любили и соученики, и учителя. Её лишь раз вызывали в школу, перед самым выпуском: на политинформации при завуче Боря привёл цитату Ленина о том, что революцию на концах штыков в чужие страны не переносят. Получилось, что её сын – против линии партии на оказание интернационального долга братскому афганскому народу. Завуч очень сердилась, назвала сына диссидентом и пригрозила выгнать из комсомола за срыв мероприятия.

И это её-то Бореньку! Когда мальчика приняли в пионеры, он и галстук отказывался снять перед тем, как идти в постель! И в комсомол вступил один из первых! Но афганская война была в народе непопулярна, дети росли на «Пусть всегда будет солнце», а их матери боялись отправлять сыновей под пули душманов. Но говорить об этом было нельзя – никому не нужны лишние неприятности. Все думали одно, а на собраниях тараторили заученные фразы из газет. Странно и страшно вспомнить, как она тогда бранила сына:

– Кому она нужна, твоя правда? Думаешь, что твоя завуч этих истин не знает? Вышвырнут из комсомола – в институт уже не возьмут. И куда ты потом пойдёшь?

К поступлению в институт Боря относился очень серьёзно. Он и в отпуск на их базу отдыха перед вступительными экзаменами притащил внушительную стопку учебников и тетрадок. На рыбалку с Аркадием он вставал по-прежнему, – чуть свет, но отец удил рыбу, а сынок чёркал что-то в своих тетрадках. А после рыбалки Боря вытаскивал из домика раскладушку и читал свои учебники в тени деревьев. Однажды она силой оторвала его от раскрытой книжки, – проводи, мол, сынок, в деревню, самой идти боязно, да и от беспрестанной зубрёжки можно свихнуться.

Чудесная вышла тогда прогулка! Солнце заливало лучами луг, по которому они шли, цветы одуряющие пахли и радовали глаза своим многоцветием, а у знакомого плетня у входа в село Боря остановился и, застенчиво улыбаясь, спросил:

– Что, мам, они ещё поют, твои граммофончики-колокольчики? И феи к ним слетаются на танцульки?

Она тогда растерялась от неожиданности – неужели сын до сих пор помнит старую, придуманную ею сказку? Сама-то она давно о выдуманных феечках

позабыла, но у Бореньки всегда была блестящая память, и учителя дружно прочили ему не менее блестящее будущее.

Однако в институт в то лето Боря не поступил: провалил экзамен.

– Ничего страшного, – утешала её зашедшая на чаёк Серёжина мама, – он просто переволновался! Отслужит в армии, вернётся, и фору ещё даст этим, нынче поступившим. Мой тоже не поступил. Как бы их только в Афган не послали. Но туда отправляют немногих – большинство служит на границе.

Серёжу таки не послали в Афган, а её Бореньку послали со всей его ротой. И там он геройски погиб, как написал ей Борин начальник. И её граммофончики-колокольчики замолчали навсегда.

Я, Котька и похудение

Ольга-Клен

Мы с Котькой захотели к лету сбросить в общей сложности килограммов десять набранного за зиму веса. Ну как захотели? В нашей семье все решения принимаются демократическим путём. Мы посоветовались, и я решила. Тем более, от кота я не услышала ни единого слова против. Он только с укоризной сверкнул зелёным глазом и пошёл доедать вареного тунца. Правда, силой кошачьей мысли он успел мне передать, мол, пришла беда, откуда не ждали или откуда у неё такие умные идеи берутся, наверно, ветром весенним надувает. Но я же – камень, если что решила, то ни шагу назад!

Когда Котька вылизал миску и повернулся ко мне, начав жаловаться на жизнь, я немного подсластила пилюлю:

- Ладно, так и быть, потерю десяти килограммов разделим не поровну, тебе в минус уходить никак нельзя. Я беру на себя девять с половиной, а тебе остаётся похудеть только на полкило. Это же такая малость, что ты даже не заметишь.
- Мя-а-а-у! – с деланной скучой прогнусавил котяра, что можно было перевести с кошачьего на людской, как поживём-увидим. Вот только слово «поживём» уж больно было похоже на «пожуём».

Утром я приступила к реализации с дуру принятого решения. Да-а-а... Девять с половиной килограммов – это я погорячилась. А ведь как легко вчера это решение пришло мне в голову, казалось таким жизнеспособным. Наверно в составе куриного окорочка, который я вечером умяла за ужином, была какая-то блокирующая здравый смысл «ешка». Потом я подумала-подумала, посмотрела на Котьку и решила, что этот блокиратор был в жареной с лучком картошечке, которую приготовила на гарнир. Ведь Котька картошку не ел, а трапезничал таким же, как у меня, окорочком, только без зажареной шкурки. Но слово сказано, решение принято. Остаётся только его исполнять. А то как я перед Котькой буду оправдываться? То принимаю решение, то отменяю, я же не политик какой-нибудь, а серьёзный человек.

На завтрак я подала йогурт и половинку апельсина, честно разломив целый плод пополам. Понюхав обезжиренную белую жижу в миске с миллионами полезнейших лактобактерий, кот брезгливо фыркнул и сделал лапой неприличный жест, будто он закапывает своё, простите, дермо. От цитруса Котьку шарахнуло в сторону, а в его глазах я прочитала желание немедленно сдать меня в дурдом.

– Надо, Федя, надо! – процитировала я крылатую фразу Шурика из известного кинофильма, но Котька людской классики не помнил, а потому обиженно повернулся и ушёл из кухни. – Ладно, апельсин можешь не есть, но хоть йогурт попробуй, – крикнула я ему вдогонку.

Однако, душевная рана у моего друга была настолько глубока, что Котька даже ухом не повёл. Он меня игнорировал, как только умеют игнорировать людей коты. Надо сказать, что я тоже хороша. Своей диетой посягнула на самое святое в кошачьей жизни, на еду. Честно говоря, я уже наполовину растаяла и пожалела об опрометчиво принятом вчера решении худеть Котьку. Но пусть знает, кто в доме хозяин, то есть, хозяйка. Худеть так худеть! Ничего, проголодается, не то что апельсины, лимоны жрать будет.

После йогурта с апельсином мысли полдня крутились вокруг вчерашнего ужина. В обед я сходила к соседке и выпросила у неё на неопределённое время беговую дорожку. Надо сказать, с трудом. Нет, никто из её домочадцев и не думал использовать спортивный предмет мебели по назначению. Покупка эта была спонтанной, примерно как и у всех обладателей домашних беговых дорожек. Но соседка ловко приспособила её под сушилку для белья, и абсолютно не собиралась расставаться с привычным предметом интерьера.

27

Когда тренажёр был доставлен и занял четверть жизненного пространства комнаты, Котька с опаской обошёл вокруг неизвестного зверя, обнюхал его, а потом, потеряв всякий интерес к венцу спортивной индустрии, вернулся на окно. Там, всего в паре метров от дома росло дерево, на ветвях которого резвились недосягаемые и такие желанные птички.

Перед обедом я решила побегать, чтобы, как говорится, нагулять аппетит. Честно говоря, нагуливать его не было никакой необходимости, потому что даже кот укоризненно оборачивался на особенно громкие звуки марша, который играли кишкы в моём животе. Но худеть так худеть! Никаких поблажек.

– Никаких, понял? И ни для кого! Слышишь, Котька? Давай, заканчивай дуться, спускайся со своего олимпа и побежали.

Ответом на мои искренние призывы было только презрительное подрагивание уха. Ладно. Включила спортивного монстра и побежала. Когда я взглянула на Котьку, чуть не вылетела с дорожки. Он сидел на окне, отвернувшись от своих птичек и круглыми от ужаса глазами пялился на меня. В воздухе большими буквами висели невысказанные вопросы:

– Что с тобой? Ты совсем спятила? Что ты делаешь?

– Котенька, иди ко мне, не бойся. Побегаем вместе, а потом пойдём кушать.

При слове «кушать» во взгляде кота появилась осмысленная заинтересованность. Я решила, что на сегодня с меня хватит тренировок, всё-таки, минут пять побегала. Быстро освободила беговую дорожку от собственного веса, и мы с Котькой дружно направились на кухню. На обед был салат из огурцов и половинка яйца. Вторую половинку я положила в миску Коте. Предложить ему салат из огурцов я не рискнула. Котька обнюхал подношение со всех сторон, коготками подцепил желток, попробовал его на зуб, пожевал, а потом … заплакал. Честно-честно, в уголке глаза появилась слезинка. А во взгляде моего любимого Котеньки была такая пустота, что я быстро убрала диетический продукт из его миски, открыла банку печени трески в масле, разделила её содержимое поровну и окончательно плонув на диету, наелась этой калорийной вкуснятины. Котька не заставил себя упрашививать дважды.

После трапезы я прикорнула на кресле. Ненадолго, всего минут на пятнадцать. Открыв глаза, увидела, как Котька шагает по статичной беговой дорожке то в одну сторону, то в другую, и это новое для него действие доставляет ему удовольствие. Ничего-ничего! Не всё сразу. Мы ещё побегаем вместе с Котенькой. Дайте только время.

Свет
Виктория Соловьёва

Камень помнил, как появился свет. Помнил жар солнца, холод ледников, шепот ветра, вечность. Он был частью древней горы. Но однажды в его покой вторглись люди. Они казались счастливыми. Сначала палатки, дождевики, песни у костра. Потом лязг железа, взрывы, трещины, боль. Камень стал щебнем, пылью, строительным материалом. Его тесали, обтачивали, пока он не превратился в серый, безликий блок.

Дерево знало жизнь. От тонкого ростка, тянущегося к свету, до могучего великаны, раскинувшего свои ветви. Оно чувствовало прикосновения птиц, ласку дождя, гнев бури. Но пришёл злой день. В реликтовом лесу завизжали электропилы. Древесина трещала, сопротивлялась, но судьба была предрешена. Доски, балки, стропила. И вот дерево – часть чего-то нового, нужного, чужого.

Пустота ждала. Ждала между камнями, между досками, внутри построенного дома. Сначала она была робкой, почти незаметной. Пряталась под диванами и шкафами. Но с каждым днем росла, заполняя пространство, поглощая звуки, воспоминания, запахи. В ней не было ни боли камня, ни печали дерева. Только тишина и мертвенный холод.

Дом стоял. Ещё крепкий, вросший в землю, словно пустивший в неё корни. На крыше поселилась пара аистов. Их никто не тревожил. Камень и дерево, когда-то полные жизни, теперь молчаливо смотрели друг на друга сквозь растущую пустоту. И оба понимали, что их участь – быть поглощенными ею, пока не останется ничего, кроме безмолвной, всепоглощающей тьмы.

Во тьме появится свет.

Рассказы о чуде, удаче и судьбе. Авторский конкурс D Grossteniente Okku

Сталкер
Marara

Михалыч праздновал новоселье. Новое жильё, понятно и в подмётки не годилось старому, которое он обживал с Женечкой; ну да Женечка уж года четыре, как покоится в сырой земле; да и квартиру их совместную Михалыч потерял года два как. А полтора года он перебивался в квартире племянника, и хорошо понимал, что мешает родственнику устроить свою какую-никакую личную жизнь. Зачем молодому айтишнику старый почти спившийся родич? Сам-то племянник спиртного на дух не переносил, и стоило Михалычу встретить где знакомых и потолковать за жизнь, потягивая родимую столичную, как начинался зудёж на неделю вперёд. И не скажешь даже, что яйца курицу не учат, то бишь, Костику должно уважать седины родного дядьки: квартира-то, чай, племянника, а родные пенаты расположены отнюдь не на экваторе.

Михалыч в компании Костика даже выпивать стал куда меньше, а старых друзей, не сказать, что чурался, но виделся с ними раза два в месяц, не чаще. Но на самую последнюю встречу пришла Зинаида – невестка приятеля; а через Зинаиду удалось сразу двух зайцев убить: и работу, какую никакую подыскать сторожем на базе, и жильё – как с неба свалилось. Склад располагался на отшибе, в районе, горожанами редко посещаемом. Комнатка – тоже небольшая: топчан, стол с двумя колченогими стульями; проржавевшая раковина с краном, старая газовая плита и холодильник в закутке за небольшой печуркой; сверху свисала небольшая электрическая лампочка без абажура. В общем – не хоромы, но Михалычу надоело положение приживала, и любой угол он готов был считать хоромами. На радостях он даже пообещал племяннику с водочкой завязать: не малый, чай, ребёнок, понимает, что годы не те, и здоровье начинает пошаливать. Но начало жизни трезвенника отмечал он с Зинаидою и приятелем не распитием газировки с сиропом.

Доотмечались они до того, что и конца-то вечеринки Михалыч не помнил; очнулся он уже часа в три утра одетым на своём топчане. Голова раскалывалась от боли, и Михалыч с трудом дотянулся до выключателя. Вспыхнул свет, и со стола во все стороны прыснула орава каких-то странных зелёных существ, напоминавших по строению человечков. Все они тащили на себе остатки бывшего пиршества: кто нёс голову селёдки, кто корку от недоеденной булки, кто надкусанный кружок колбасы. Едва зажёг лампочку, они засуетились, побросали свои богатства и побежали кто куда; у Михалыча аж в глазах зарябило от их хороводов.

— Доигрался, — с ужасом подумал Михалыч, дрожащими руками вырубая лампочку и зажмурившись, — зелёные человечки в глазах пляшут! Обещал же племяшу — ни капли больше! Он натянул на голову покрывало, игравшее для него роль одеяла, и провалился полуспящим забытьё, поклявшись себе всеми клятвами — завязать завтра же. Как ни странно, а клятвы свои он утром не забыл. Забудешь, как же! Едва Михалыч глаза закрывал, как перед внутренним его взором появлялась картина разграбления остатков праздничного ужина. Но, что интересно: поверхность стола была девственно чиста. И даже на полу крошек не было. Нешто Зинаида перед уходом постаралась и всё туточки подмела?

Зинаида, когда Михалыч её благодариł, раскраснелась и стала отнекиваться; ну да Михалыч о том думал недолго. Первые дни обустройства и новой работы его полностью закрутили, не до того было. До ближайшего продуктового ему было топать и топать; по растопке печей его опять-таки специалистом не назовёшь. Так что занятий у него было выше крыши. Убирать со стола по вечерам и то сил не хватало. Но вот что интересно: крошки и огрызки со стола за ночь обычно исчезали, и Зинаиду вряд ли в этом упрекнёшь. Михалычу подобные чудеса поначалу даже нравились, но как-то он обнаружил, что пропадают не одни обедки, а самые полноценные запасы. Буханка хлеба порой исчезала ночью — и тоже бесследно; а однажды он и бутылки вчера купленной столичной не досчитался. Это Михалычу уже страшно не понравилось — да и кому бы такое по душе пришлось?

— Странные крысы у меня завелись — жаловался он Зинаиде, — что хлеб эти твари тащат, так им это самой их природою предписано. А почто водку они у меня увили?

Зинаида лишь посмеялась в ответ, — ты, мол, Михалыч водку эту сам выхлебал и не заметил. А от крыс мышеловки умные люди ставят, а нет — я кошку тебе одолжу на вечер-другой.

Мышеловки у Михалыча так и не сработали ни разу, хоть прикорм из них неизменно исчезал с крючков. А о кошке Михалыч в первую же ночь пожалел, что взял. Хвостом животное как раз мышеловку и задело, а потом Михалыч полночи носился за истощно воящей котярой, пытаясь зловредный прибор от хвоста взбесившейся кошки отцепить. Хорошо хоть, что мелочей, типа сервиса фарфорового, их с Женечкой апартаменты украшавшего когда-то, у Михалыча в комнатушке не стояло; от фарфора в этой суматохе ничего б окромя осколков не осталось бы.

На вторую ночь с кошкой Михалыч уже загодя приготовился: все мышеловки деактивировал, сам лёг спать пораньше. И правильно сделал: таарам и этой ночью был не меньше, и когда заспанный злой Михалыч протёр наконец-то глаза, то увидел в лапах котяры странное существо, напоминавшее человечка с ладошку ростом. Одето оно было в зелёный кафтанчик, вооружено чем-то острым, наподобие кошачьего когтя, и пищало оно в лапах чудовища отчаянно. Правильно делало, что пищало: кошка как раз собиралась отодрать своей «мышке» голову. Михалыч добычу у неё живьём из когтей выдрал, в трёхлитровую банку от огурцов засунул и бегом к племяннику, разбираясь, что за чудики такие в его каморке бегают по ночам и водку воруют.

Костик аж рот открыл от изумления, когда человечка увидел. Дядька ему чай-то заливал о странных пропажах имущества и не менее странном сне в первую ночь пробуждения на новом месте, но чтоб такое! А он-то всё на пьяных приятелей дядьки списывал, проведавших, что водка у того без присмотра. а сейчас вроде как научное открытие, за которое и нобеля могут дать: виданное ли дело, целую расу человеческую они открыли! Кинулся, было, Костик звонить по разным телефонам серьёзных организаций, а потом одумался;

– Давай, дядя, мы твоего пленника сами попробуем изучить, повадки там его, обычай и тому подобное! ИИ у меня загружен, может и есть о нём какая где информация...

32

Никакой такой информации о таинственном госте не оказалось. Зато мудрый ИИ расшифровал язык человечка, и к полудню дядюшка с племянником и их пленник уже вовсю беседовали. Себя человечек гордо именовал Сталкером, каморку Михалыча – зоной. В тех краях, где склад Михалыча стоял, народ зеленокафтаных проживал, по словам гостя, с незапамятных времён, был дружен и вполне развит. Охотились эти люди на лягушек в соседних болотах, собирали пух одуванчиков и паучьи сети по окрестным кустам, и даже хлорофилл из листьев извлекать научились, чтобы пошитые кафтаны в зелёный цвет окрашивать. Но началось в их краях нашествие безумных гигантов, явно – инопланетян. Землю инопланетяне портили; понастроили своих космодромов, где попало. Сперва зелёный народ не особо и волновался: земля большая, места всем хватит. Но пришельцы тесниться не любили, болота с лягушками осушили, и на пропитание несчастным зеленокафтанникам остались лишь сверчки да кузнечики. Впрочем, в зонах обитания гигантов удалось обнаружить что-то съестное, что народ пленника за лакомство счёл. Вот и появились отряды сталкеров, которые по своей воле в зоны наведываются, и что не так лежит к рукам прибирают.

Узнав, что его хотят в научный центр везти для дальнейших исследований, человечек аж взвыл: жена, мол, дети некормленые, отпустите, люди добрые! Я Вашу водку теперече ни-ни, и другим сталкерам закажу в зону-подсобку заходить без надобы-то!

Сердце у Михалыча было доброе, посмотрел он на племянника и говорит:

— Мы ж, Костик, с тобой не менгели какие, на людишках эксперименты ставить! Отдадим беднягу в лабораторию какую, — его, глядишь, до смерти анализами замучают! А нобеля нам всё одно не дадут, себе и славу, и деньги заграбастают те, кому мы его сплавим. Пущай себе идёт этот нехристъ к жене и детям! Опять же, в комнатах моих сталкеры эти сплошную чистоту наводили; я даже пить-то со страху меньше стал. А нынче и вовсе завяжу, после последних потрясений!

Так они с Костиком инородца и отпустили восвояси, то бишь в каморке Михалыча. Но парнишка благодарным существом оказался: наладил международный, а по его пониманию, межпланетный контакт, заключил с двумя инопланетянами контракт, и с этих-то пор в каморке Михалыча всё вылизано, хоть и тесно. Племянник у него вечно гостит со своим ИИ. Он у зелено-кафтанников по ночам сплошные интервью берёт, а на основе их романы пишет, скоро ему нобеля дадут, но уже по литературе. И Михалычу хорошо: придёт с вахты, есть с кем слово сказать, кому стопку налить. Жаль только, сталкер их на выпивку slab оказался. Жена его того гляди развод ему даст за водочные посиделки у Михалыча...

Необыкновенные письма. Авторский конкурс Елены Картуновой и Туранги

О пользе ничегонеделанья

Ирина Ашомко

Милостивый Конёк, Горбунок уважаемый!

Примите извинения за смелость моего пера – а точнее, копыта, которым я старательно выводил эти строки, упираясь в землю, дабы не упасть от собственной грусти.

Обращаюсь к вам как к коллеге по несчастью: вы – малый ростом, я – малый надеждами. Есть между нами общность.

Я тут подсчитал: у вас – Жар-птица, золотая грива, царские хоромы. У меня – одна и та же лужа под ногами и Винни, который всё обещает, но мёд прячет в кустах «на всякий случай».

Я спрашиваю: где справедливость?

Ещё один момент: у вас Иванушка – дурачок, но добродушный. У меня Пух – тоже дурачок, но с мёдом. И всё время говорит: «Ты же не ешь мёд, Иа!» А я ему: «Я не ем – но надеюсь». А он: «Надежда – не мёд». Вот такая философия.

Вы, как существо малое, но деятельное, наверняка удивитесь: с чего это вдруг осёл, да ещё такой, как я, пишет вам, скакуну, что чуть ли не с царём водился?

Всё дело в том, что я, хоть и считаюсь специалистом по меланхолии (а в некоторых кругах даже называюсь «знатоком печали»), никак не пойму: как вы умудрялись быть таким... деятельным? Вас ведь, как и меня, вроде бы не наделили ни ростом, ни внешним лоском. А вы – рраз! – и уже к царю в терем! А я... даже за мёдом сходить боюсь. Вдруг опять кто-то скажет: «Ты же Ослик, тебе не полагается!»

Не поделитесь ли секретом внутренней пружины? Или хотя бы утешите: может, во мне тоже не всё так безнадёжно? Вчера, например, Винни-Пух пообещал, что в следующий раз поделится мёдом. Правда, потом добавил: «Но только если ты не будешь

ИААААААААААААААААААААААААААААААА...» – и ушёл. Догадываетесь, что он имел в виду?

Вы там прыгаете, спасаете, советуете. А я тут стою – и тоже спасаю. Только не царства, а иллюзии. Например, Винни-Пух думает, что мёд – это счастье. А я своим ИААА напоминаю ему: «Счастье – оно вообще есть?» И он на секунду задумывается. Правда, потом снова бежит за мёдом, но всё же – я дал ему паузу. Это уже вклад.

Вы, конечно, герой. А я – антигерой. Герои двигают сюжет. Антигерои – позволяют сюжету немного подумать, прежде чем бежать дальше.

Если бы все были как вы, мир развалился бы от скорости. А если как я, то так и не начался бы. Значит, мы с вами – как тормоз и акселератор.
Только вы – впереди, а я – в луже под сосной.

С уважением к вашей энергии, в грусти и в праве на неё,
Иа

P.S. Если ответите – положите письмо под лопух. Я там часто стою. Потому что... Ну, вы понимаете.

Южное царство. Послание Жар-птице. Секретно
Виктория Соловьёва

Привет, моя родная!

Не помнишь, как там всё начиналось? Снесла курочка яичко. Непростое, а золотое... Знаешь что? Ты мне всю жизнь исковеркала своим подкладным яйцом. Перед петухом оправдываться замучилась. Он так и не поверил, что это от него смогло такое родиться. Перепугала насмерть моих стариков. Баба до сих пор заикается, бредит о золотом дворце, а деда от слепоты вылечить не можем. Губишь ты всех, к кому прикасаешься, неугомонная...

Долго я молчала, ведь подозревала, что ты не родная. И не походим мы друг на друга. Да с детства помню, как ты выбирала только белояровое пшено, аки королевская дочь. И окрас твой казался удивительным, словно солнце у тебя в родне. Иногда чудилось: свечение от перьев исходит какое-то совершенно неземное. Я даже Пете своему сказала, что ты точно инопланетянка! Не водилось в нашей породе такого изящества в фигуре и великолепия в перьях. Знать бы, откуда ты взялась на мой куриный хвостик, давно бы уже бандеролью отправила обратно. А так приходится родниться. В общем, пишу тебе заранее, надеясь, что письмо придёт вовремя. Ты Дадону передай, пусть побережётся. А тебя, дорогая сестра, поздравляю с Осенинами. Будь всё так же хороша собой и неси радость людям. Они верят, что ты им счастье приносишь... А, к моему курятнику лучше не приближайся больше.

Целую.

Просто Курочка. Ряба.

Планета путешествий

III. Планета путешествий

Азартных и бесстрашных путешественников ждут захватывающие турпоходы, как в ближайшие к нам звёздные системы, так и высшей категории сложности – годовой марафон за звание Покорителя Вселенной (Лучший Прозаик Литгалактики) и Лучшего Туриста-Путешественника (Лучший Автор Малой Прозы).

А для любителей сразиться один на один – на планете Марс открыта замечательная дуэльная площадка.

Для тех, кто хочет поэкспериментировать с формами и жанрами, мы открываем новую площадку – Выбор пути.

Это творчество на стыке прозы и поэзии, а также короткие формы поэзии.

Прозаические конкурсы планеты Путешествий:

Земля – Орион. Конкурсы рассказов.

Созвездие Рыси. Четвёртый экспериментальный конкурс прозы.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 8».

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Бесконечность».

Земля – Орион – Минтака. Конкурсы 55-словников.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс фонаризов.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Шифровка»

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Варенье»

Райские яблочки

Виктория Соловьёва

Стояла голодная весна. Так Тося её запомнила. Отец пил. Гонял чертей по комнате, смотрел обречённо на детей: две девчонки без матери. Куда их теперь денешь? Он сам ничего почти не ел и про детей не помнил. Иногда в холодильнике появлялся хлеб и сало. Тося отрезала пару тонюсеньких пластиков белого замороженного сала, так чтобы папка не заметил. Сало таяло во рту, хотелось ещё. Проглотив один прозрачный пластик, невозможно остановиться. Но страх сильнее. Отец придёт пьяным и спросит... Как тогда спросил: «куда дела сахар?» А она даже не помнила, как положила этот пластик на язык. Медленно отходила от холодильника. Нечего там стоять. Всё равно не выстоишь ничего.

Крупы стояли в стеклянных банках под подоконником, в «холодильнике», там же, где мама раньше хранила варенье. Особенно много разной вермишели и макарон. Их Тося и приспособилась готовить, когда живот сводило судорогой. Макароны получались слипшимися, но зато их можно есть ложкой с майонезом. До сих пор Тосю передёргивает от этой еды. Она не любит итальянскую пасту и вообще итальянскую кухню. Но вернёмся назад в детство Тоси.

После окончания учебного года Тосю сразу отправил в пионерский лагерь. К этому она давно привыкла. Сестру забрала к себе тётя.

В лагере хорошо! Только зарядка по утрам бесит! Кому это надо: «Руки вверх, руки в стороны...». И ради этого недосмотреть волшебный сон, в котором у неё красивое длинное «принцессино» платье или крутой полёт над городом. Но воспитатели непреклонны, выгоняют всех на поляну: и не выспавшихся, и «больных», и «кривых». На зарядке Тося стоит в самом последнем ряду. Обречённо рассматривает розовую кашку, столпившуюся под ногами, представляет себя божьей коровкой и ползёт туда, куда глаза глядят. Её замечают и возвращают в строй:

– И руки вверх, – руки в стороны, – Приседания...

На завтрак каша с маслом, на обед макароны. Бе-е! Сосиска вкуснющая! Компот из консервированной черешни! На диво! Каждую ягодку смакуешь. На ужине есть не хочется. Тося выходит из-за стола, словно запеканка у неё стоит поперёк живота. И так каждый день! Вскоре болтающиеся платья становятся впору, а резинка шорт впивается в живот. Они становятся внезапно малыми.

В первую смену Тося решила записаться в кружок мягкой игрушки. Ей нравилось шить цветных лошадок, забавных котиков, длиннотелых такс. В этот раз ведущая студии предложила Тося сшить жирафа. Такой игрушки у Тоси ещё не было, и она с удовольствием приходила на занятия. Шитьё успокаивало, дарило радость. Жёлтый жираф постепенно стал подниматься на ноги, а потом и держать высоко свою голову. Тося тщательно выбирала лоскуты. Пятнышки жирафа должны быть не просто коричневыми, а с оттенком горького шоколада. Каждое пятно пришивалось вручную аккуратными стежками. Это долгая и кропотливая работа, но Тося, попадая в мастерскую, забывала обо всём на свете. Ей было хорошо в мире цветных лоскутов и почти живых игрушек. Да и хозяйка студии часто хвалила девочку. У неё получались замечательные игрушки, с характером!

Самый грустный день – родительский. Так не только во взрослой жизни. Тося сначала терпеливо ждала, когда её вызовут к воротам лагеря. Постепенно комната девочек пустела, ко всем приехали родители. Тося ещё держалась, ведь сейчас только обед, время до вечера есть. В столовой пусто. Тося с трудом доедает гороховый суп. Вкуса не чувствует, торопится. Хлеб дожёвывает на бегу в свой корпус. Нельзя пропустить момент, когда позовут. Она уже раз пять сбегала к воротам и обратно, но папки нигде не было. Она потом его простит. Может же человек забыть. Тося тоже иногда забывает что-то сделать. И ничего, её же прощают. В лагере тесно. Все качели и лавочки заняты родителями, откармливающими своих чад черешней и абрикосами. Тося плетётся в дальний угол лагеря, обнимает две дощечки забора, и слёзы текут сами. Сквозь слёзы Тося замечает что-то необычное – сразу за забором раскинула ветки невысокая кривая яблонька. Дерево сплошь усыпано крупными ранетками. Они пока зелёные, как её слёзы. Тося вытерла мокроту с лица движением одной руки. Откуда среди леса яблонька? Мысли закружились. Тося вспомнила, как каждый год они с мамой и сестрой ходили перед самой школой на рынок. И это было настоящим приключением. Запахи дыма, копчёностей вперемешку с запахами квашенной капусты пробирались незаметно, впитывались в волосы, в ситцевые платья. Мама вела девочек за руки. Держала крепко, словно боялась потерять в людском море. Рынок гудел. Слышались чьи-то разговоры, переходящие на шёпот, лукавые приглашения попробовать «заморские» фрукты, плач уставших детей, громкие выкрики торгующихся, лай собак и непонятный скрип волнистых попугайчиков – всё сливалось в единый душный хор. Не зря это место назвали Злобинским. Рынок казался большим. И чего там только не продавали! Сёстрам хотелось в обязательном порядке завернуть в ряд, где предлагались домашние питомцы, но мама вела их в молочный ряд. Вот и знакомое место. За прилавком – румяная женщина с приветливым лицом. Платье в синих васильках прикрывает длинный белый фартук. На плече собрано широкое вафельное полотенце. Тося всегда с удивлением смотрела на большие руки молочницы, похожие на экскаваторные ковши. Женщина ловко орудовала деревянной

ложкой, накладывая нам полные кружки варенца из зелёного эмалированного ведра. А запечённую корочку аккуратно отдавала маме. Троица отходила от прилавка, чтобы не мешать торговле, и неспешно отхлёбывая, наблюдала за суетой вокруг. Вкус домашнего варенца – нежный, сливочный, чуть сладковатый, пахнет дымком. Тося выпивает его первой. Сестра не может справиться с кружкой, и ей помогает мама. Каждый раз, когда допивали варенец, казалось, они побывали в маленьком уютном домашнем мире. Мама доставала платок и по очереди вытирала молочные усы сестрам. Кивала молочнице и хвалила её умения:

– Очень вкусно!

Наевшись, семейство снова отправлялось в путь. Ведь самое главное, зачем они приходили на рынок, находилось совсем в другом ряду.

Ягодный ряд на рынке пах солнцем, землей и нетерпеливым ожиданием. С каждой минутой ягоды становилось меньше. Облепиха таяла под лучами жаркого солнца, брусника теряла свою безупречную форму, черника скисала ещё быстрее... Только орехи, арбузы и ранетки гордились собой! Ягодный ряд жил своей жизнью. Здесь переплетались горечь и сладость. Всё это кружилось вокруг, манящее и неуловимое. Тося закрывала глаза, глубоко втягивая аромат облепихи, перемешанный с запахом нагретого дерева прилавка. Наконец мама находила то, что искала. Так было и в то последнее мамино лето. Ведро ранеток стояло далеко от своих красавиц-соплеменниц. У ведра сидела бабушка. Видно, она устала на жаре. Платочек сбился на голове и открывал серебряные пряди волос. Морщинистые руки поклонились на коленях, словно два искореженных дерева.

– Кислые...

То ли спросила, то ли оценила мама.

– Хорошие яблочки, – прошепестела бабушка. – Со своего сада.

Мама взяла одну ранетку, покрутила в пальцах. Гладкая, розоватая кожица приятно отзывалась в ладони. Откусив, мама сожмурилась, почувствовав терпкий, кислый вкус. Вкус детства.

– То, что надо!

Мама покупала не ведро ранеток, а ведро своего детства. Нам тоже хотелось попробовать, какое оно, мамино детство.

Ух, как же это было бодряще!

Дома мама закручивала компот и варила несколько баночек вкуснейшего варенья. Ранетки варились целиком, вместе с хвостиками в сахарном сиропе. В несколько приёмов до полной медовой прозрачности. Мама называла их Райскими яблочками. Так захотелось снова надкусить медовое яблочко, чтобы солнцу зажглось внутри от счастья. Тося помнит маму смеющейся. Она точно знает, Райские яблочки напитаны не только сахарным сиропом, но в большей части любовью. Мелькнула жизнь, которую Тося больше никогда не увидит. Лес обдувал её заплаканное лицо. Тося оставалась одной. Она взрослела.

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Гражданочка»

Гражданочка

Ольга Альтовская

Обычный осенний, по-летнему тёплый день в местной поликлинике. ФАП – так теперь она называется. Плановая диспансеризация. Одиннадцать часов. Толпа народа.

– Вы, гражданочка, куда лезете без очереди? – возмутился мужчина, стоящий первым в кабинет к терапевту. И вся очередь возмущённо зашипела на молодую женщину, которая бесцеремонно пыталась пробраться поближе к двери.

– Я только спросить, – отвечала она. И сразу за вышедшим пациентом шмыгнула в кабинет к врачу.

Очередь негодовала.

– Посмотрите на неё! Молодая, а такая наглая!

– Чего вы хотите, такая молодёжь пошла!..

– Ушлая и бесстыжая!

– Видать из «мажоров». Видали, как одета?

– Конечно, на таких каблуках разве будет стоять в очереди?..

Приём этой девицы затянулся. Потная, усталая очередь вокруг меня глухо роптала. Но дверь открылась, и гражданка, нарушившая порядок, игнорируя выплески недовольства, быстрым шагом покинула помещение.

Люди постепенно утихли и продолжили дожидаться своего входа к врачу. А я стояла, тяжело опираясь на стену, и думала: «Вот так возвращается бумеранг».

Лет сорок назад я, такая же «ушлая и бесстыжая», так же входила в кабинеты, смело отодвигая людей, тоскливо ожидающих приёма. Так же была равнодушна к их порядку и ропоту.

Но потом в моей жизни были другие ситуации. Меня, беременную или с маленьkim ребёнком на руках, сердобольная очередь то безропотно пропускала вперёд, то колдовала с нашатырём над моим ослабевшим телом...

Даже иногда бывало: когда опаздывала на поезд или автобус, я сама просила меня пропустить, и люди шли мне навстречу...

И вот настало время, когда я наравне со всеми больше часа стою в общей живой очереди и терпеливо жду приёма. Укатали Сивку крутые горки... Поубавили прыти... Сколько надо было пережить, перестрадать, намаяться, чтобы научиться терпению, чтобы оттаяло то место в душе, где прячется совесть? Чтобы сейчас я могла за всё сказать «спасибо»: за то, что было и за то, что есть?..

А та «гражданочка» ещё молодая. У неё всё впереди.

Земля – Орион. Конкурс прозы «Что будет?»

Шляпкино

Милана Секоненко

Жил-был посёлок Шляпкино где-то в глубинке России. В город вырасти не смог или не захотел. Ему и так хорошо было: улицы имелись, даже один перекрёсток – со светофором. Земля вокруг плодородная, урожай на зависть, фермы чистые, коровы ухоженные, теплицы большие и светлые. Школа обычна в одном конце и школа искусств в другом, а ещё больница, поликлиника, библиотека. А по центру посёлка храм – недавно подновлённый. Вдоль посёлка река широкая, мост через неё ведёт в посёлок Кузнецово к соседям, выстроившим собственный музей с кузнечными цехами и наладившим экскурсии туда.

Однажды собрались посреди своего посёлка шляпкинские жители и стали предложения по благоустройству делать, и не только, чтобы и к ним на экскурсии приезжали.

Надо сказать, что Шляпкино издавна славилось мастерскими по изготовлению головных уборов. Целые династии мастеров шляпного дела родная земля сохранила.

42

Вот собравшиеся на храмовой площади шляпкинцы гадать начали, что бы придумать эдакое завлекательное для путешественников, но на каждое предложение кто-нибудь да вспомнит: «Эх, есть такое уже, не ново, кто ж в нашу глухомань поедет за уже виденным?! Не годится!»

Среди взрослых и дети были, пополнительно в собрании участвовали. У трёхлетки Мишутки в руках книжка оказалась, Андрея Усачёва, раскрытая на сказке «Колесо обозрения». Глянули на разворот с картинками и тут же решение одно и то же не в одну головушку пришло: возвести карусель – да повыше, да над рекой, на пригорке, чтобы вид красивый и глядеть на Россию-матушку далеко можно было и – ещё дальше.

Договорились с кузнецами, чтобы те карусельные люльки прочные и красивые сделали. Эскизы-то сами нарисовали: шляпки – покрасивше и позаковыристее. Из Малярово приехали мастера с красками и эмалями. В Корабелово конструкции стальные изготовили. Из Механиково прибыли специалисты, чтобы в целом весь сложный механизм наладить. Следом за ними из Электриково высококлассные техники приехали: электричество – известно, не шутки!

Так благополучно всем миром и поставили шляпкинское Колесо над рекою.

Приёмка комиссии на «ура!» прошла: взрослые дяди и тёти вылезать из люлек не хотели. Сделают полный круг в одной, а потом в другую пересаживаются. Так целый день прокатались. Правда, с перерывами на обед и ужин. Потом дружно все бумаги подписали и в районный центр с сожалением вернулись. На утро, воскресный день был, шляпкинцы в очередь выстроились к Колесу. И тоже целый день катались. Детишки, правда, капризничая, канючили: «Не пойдём обедать-ужинать!» Да у шляпкинских мамаш не забалуешь так запросто. Марш домой – и всё тут!

Со следующего дня в Шляпкино гости отовсюду приезжать стали, реклама подействовала – телевидение, интернет, газеты с железными аргументами или радио сарафанное, кто знает, что действеннее оказалось.

Думаете, эка невидаль – колесо обозрения! Ось, обод и кабинки на кронштейнах.

Таким образом рассуждать могут только незнайки, всезнайки и скептики. Самое главное то, что карусельные кабинки были непростые. Не золотые, конечно. Но крыши кабинок необыкновенные – точь-в-точь настоящие головные уборы! И ни один не повторялся: вязаная шапка, кепка, ушанка, панама, венец, картуз, кивер, цилиндр, будёновка, бескозырка, берет, чепчик, кapor, бандана, канотье, сомбреро и прочее.

– Ну и что! – скажете. – Подумаешь, крыши в виде шляп. Подумаешь, колесо, хоть и обозрения, но не то, что до Москвы, а и до райцентра не доедешь, не доглядишь.

А вот и неправда! Я ведь так же думала, пока в гостях в посёлке не оказалась.

Повели меня на другой день после приезда прокатиться на колесе. «Что я с него необыкновенного увижу? – рассуждаю по дороге и, как столичный житель, в уме снисходительно прикидываю. – Само Шляпкино, леса- поля вокруг, речку с мостом, да ещё соседское Кузнецово. Ну птица какая пролетит рядом. Ну, небо с облаками чуть ближе покажется.»

Дали мне гостевой билетик бесплатный на целый день, как родственнице старожилов, и предложили карусельную люльку самой выбрать. Все одинаковые, только навершия в виде шляп различаются.

И причины у хозяев не было на меня с такой хитрецой смотреть: мол, смотрите-ка, что сейчас городская-то выберет?! Ну я так гордо и пошла в первую освободившуюся – разницы-то никакой, в которую садиться.

Сижу на лавочке под панамой, локти на столик положила, щёки ладонями подпёрла: уютно, чисто, тепло. Но что-то уж слишком безветренно, всё-таки на верхотуру поднимаемся. Что меня ждёт?! Будь что будет!

И вот не поверите, но чем выше оказывалась, тем жарче становилось. Не заметила, как среднерусский пейзаж как-то побледнел, помутнел перед глазами, моргнула и от новой картины обомлела: море синее, пляж

белоснежный, горы крымские! Смотрю, глазам не верю: конечно, мало ли что привидится на жаре по близкому соседству с солнышком. Поморгала ещё, а люлька моя в апогей как раз вошла. Мимо чайка пролетала, да не речная, а настоящая морская, глянула на меня, будто приглашая попутешествовать, и тут уж я у неё на спине оказалась как-то. И понеслись мы вверх в вихре воздуха. Но не это оказалось самым удивительным! И не то, что вскоре вдоль полуострова даже до Одессы долетели. А то, что с высоты птичьего полёта я хорошо разглядела двух мальчишек. Смеётесь?! Что в мальчишках особенного? А вот представьте, что вы встретились с героями любимой в детстве книжки воочию. Представили? То-то же! А я увидела Петю и Гаврика, как раз в тот момент, когда они провожали глазами одинокий белый парус, исчезающий за горизонтом. После минутного восторга волшебство оборвалось, а я обнаружила себя в почти опустившейся люльке. Миг – соскочила на землю и направилась на негнущихся ногах к родне, что корчила сейчас подбадривающие забавные рожицы. А у меня самой сердце от пережитого ёкало и частило сильно. Постояла я с родственниками, отышалась, отвечать, что со мной было, не стала. Надо сначала всё внутри пережить. Вернулась к карусели, чтобы другую люльку опробовать. На этот раз села под соломенную шляпку. Волнуюсь немного, ожидает ли в этот раз сюрприз.

44

Всё, как прежде, случилось. Как до верхотуры люлька добралась, чудеса вернулись. Каким-то образом в Америке очутилась, аккурат в тот момент, когда Том забор красил. Молча рядом пристроилась, выбрала потолще щетинную кисть в холщовой сумочке, невесть каким образом на боку оказавшейся, и ну наяривать полосы и пятна на досках; напоследок кириллицей аккуратно вывела «Россия» и «Шляпкино», да опомнилась уже в люльке, почти завершившей круг.

Так и каталась дальше, перескакивая из-под одной шапки под другую. И каждый оборот вокруг оси казался чудеснее. К чему вам подробности? Приезжайте и сами опробуйте!

Тоже обязательно вернусь, в феврале. К сожалению, летом задумка не получилась.

Дело в том, что когда села под цилиндр, то в любимой с детства пушкинской сказке себя нашла. Менять люльку не стала и снова под прежним головным убором прокатилась. На этот раз в Пушкинских Горах, в Михайловском, к собственному удовольствию, оказалась. А Пушкин так увлечён работой над главами «Евгения Онегина» был, что меня и не заметил. Бесшумно спустилась с высокого белого заднего крылечка да погуляла вдоль речки Сороть и по тем окрестностям, что теперь заповедником являются для паломников, поэтов и многочисленных любителей поэзии. На 432 версте от Петербурга, где нынче памятный столб стоит, того самого зайца встретила, что поворотил поэта от

гибельной поездки на Сенатскую площадь. Поблагодарила косого с поклоном и вручила букет морковок, самолично на даче выращенных, неведомо как у меня в руках оказавшихся.

Теперь мечтаю двадцать седьмого января (по старому стилю) в злопамятный год на Чёрной речке очутиться. Там в комара, муху или шмеля оборочусь, чтобы помешать убийце поэта. Насекомые, правда, в январе редко и не везде летают, но зимы в Шляпкино всегда очень тёплые.

Лишь бы Колесо крутилось...

Созвездие Рыси. Четвёртый экспериментальный конкурс прозы

Косогор

Виктория Соловьёва

Анна болела. Она не признавалась в этом даже себе самой, но замечала изменения в самых обычных вещах. Анна замечала, всё, что она раньше делала легко и играючи, сегодня ей даются с трудом. Она не считала себя старой или слабой, но что-то явно менялось. Муж старше Анны, и она не хотела признаваться ему в своей слабости. Они хорошо ладили между собой. Ей даже казалось, Саша стал более внимательным к ней, более предупредительным. Она давно привыкла к его холодности, и теперь это внимание её удивляло. Недавно он предложил попутешествовать во время отпуска. Он говорил: «Только ты и я», строил планы, разрабатывал маршруты, спрашивал, написала ли она список нужных вещей...

Анна отшучивалась. Ей понятно, никуда она не поедет. Ей хорошо на своём месте, рядом с ним, с его дыханием, с его кашлем по утрам, с его привычкой смотреть телевизор с закрытыми глазами.

- Ты спиши?
- Нет, я слушаю.

46

И Анна оставляла телевизор включённым.

Саша каждый день ходит своими излюбленными маршрутами. Иногда он зовёт с собой Анну, и они гуляют вдоль набережных, которых две в округе. Каждая по-своему красива.

Сегодня Саша как-то загадочно посмотрел на Анну:

- Ты пойдёшь гулять?
- Пойду. Подожди немного, я соберусь.
- Только надень кроссовки. Будем идти долго.
- Куда это?
- Увидишь!

Косогор крут и покрыт рыжей выгоревшей травой. Солнце палило нещадно, и каждый шаг отзывался гулом в пустом рюкзаке. Лестница на гору не кончалась. Сколько ещё ступеней надо пройти, Анна не знала, но повиновалась собственному приказу: «Иди!». Когда они с мужем поднялись наверх, солнце начало садиться. Анна огляделась. Внизу расстился мир, полный огней и суеты. Здесь, наверху, царила тишина и умиротворение. Анна выбрала камень поплоще и устроилась на нём, как на стуле. Она молчала. Соломинка в зубах – единственный признак жизни. Ей нужно время, чтобы услышать себя.

Саша стоял рядом, не скрывая радости, которая на него накатила. Он улыбался этому миру. Анна глянула на него, выплюнула соломинку, засуетилась:

– Саш, дай рюкзак.

Она запустила руку во внутренний карман и достала холщовый мешочек. Внутри – семена цветов. Аккуратно, одно за другим, она начала рассыпать их по склону. Пусть растут. Пусть раскрасят этот безжизненный косогор яркими красками.

Когда семена закончились, она снова села на камень. Теперь можно слушать. Слушать тишину. Слушать ветер. Слушать себя. Она закрыла глаза. Внутри, как росток, только пробивающийся сквозь землю, начала зарождаться надежда. Надежда на то, что сможет расцвести, как те цветы, которые она только посеяла. Ведь она смогла преодолеть путь на косогор. И этот косогор – только начало.

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 8»

Сова и Медведь

Елена Ланина

Сыну девять лет. Иногда мне кажется, что он дольше меня живёт на свете, столько всего он знает и умеет! У него потрясающее чувство юмора и восхитительное жизнелюбие. У него получается всё, за что бы он не взялся! Это удивительный ребёнок! Я так горжусь, что у меня такой сын!

С трёх лет занимается спортивно-балльными танцами. Недавно поменяли партнёршу, прежняя не выдержала ритма и нагрузки. Новую партнёршу зовут Дарья. Худенькая, лёгкая, как бабочка. И такая же напитанная знаниями и умениями – вокал, фортепиано, кибершкола, английский, китайский...и танцы. В танцах они уже профи – второй юношеский разряд и Д класс. Ну, это понятно лишь тому, кто в теме, как говорит наш тренер – это секта, кто в неё попал и вкусили драйв турниров – вряд ли сможет остановиться. Даже высокие затраты в этом виде спорта не останавливают ни спортсменов, ни их родителей. Ну да ладно, это в общих чертах. Теперь к сути.

Дарья появилась в нашей жизни внезапно. В вечер расставания с прежней партнёршей мы с Данилой выходили из зала расстроенные и растерянные. Дарья сидела на подоконнике у входа и грустно смотрела в окно. Свет фонарей освещал понурую фигурку.

– Даша, ты почему сидишь тут одна? – я остановилась.

Она нехотя повернула голову, опустила глаза. – Похоже, меня забыли...

Да, так бывает. Папа понадеялся на маму, а мама – на папу. Я позвонила Маше.

– Вам ребёнка привезти или себе забрать?

А на следующий день Данилу с Дарьей поставили в пару, такое вот случилось совпадение. И они стали танцевать и дружить!

Дружат они взахлёб, вместе проводят почти всё время: Даня в кибершколу и Даша в кибершколу, Даша на китайский и Даня на китайский. Однажды, подъезжая к месту встречи, я позвонила и выпалила:

– Сова, выходи! Медведь пришёл! –

С тех пор все их так и зовут – Сова и Медведь.

Спустя пару месяцев сын заявил мне в приватной беседе:

– Знаешь, мама, пожалуй, я готов жениться.

– Не рано сынок, девять лет всё-таки...

– Нет, думаю не рано. Всё равно мы с Дашей, когда играем, играем как муж и жена.

Я не стала расспрашивать, осторожно попросила Машу:

– Посмотри, пожалуйста, во что они там играют как муж и жена?

Та давай хохотать. Они живут в частном доме и там сейчас идёт ремонт, во дворе сложены стройматериалы.

– Попросила их перенести кучу кирпича в другое место, и они делали это семейным подрядом, как муж и жена!
– Фуф, отбой тревоги!

Ложится спать, беседуем перед сном.

– Мам, а почему реки, моря и озёра не впитываются в землю, а остаются на поверхности?

Боже мой, за мои пятьдесят два года я ни разу не задавалась таким вопросом, что же ему ответить?

– Сынок, давай завтра расскажу, уже поздно, спать нужно.

Утром иду на кухню. Там стоит Алиса.

– Алиса, почему вода морей и океанов не впитывается в землю.

И Алиса начинает умничать про многослойность поверхности земли, про давление и разность температур, про ёмкость. Долго умничает, я выхватываю суть и радостно бегу в детскую.

– Даня, я знаю, почему вода не впитывается!

Сонно трёт глаза:

– Я теперь тоже знаю, слышал, что тебе Алиса рассказывала.

Ну что ты с ним будешь делать!

Уходит утром в школу, обувает изики.

49

– Тебе не будет в них холодно? Там прохладно.

– Мне не будет холодно. Но будет холодно моему сердцу, если меня не пустят в школу без сменки!

Артист, одним словом.

А про внуков пока всё по-прежнему. Сроки правда не обозначены, но уверяет, что обязательно будут! И я ему верю.

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Бесконечность»

**Задание
ИЛИ**

Задание, в принципе, было пустяковым. Они должны были ехать четверть мили впереди продуктового обоза, отвлекая внимание душманов. Они были одеты в форму ООН, в голове колонны шли русские БТРы, в середине – грузовики как бы с рисом и овощами, в хвосте – снова БТР. Душманы принимали их за «возчиков», завязывалась перестрелка, а под её шум настоящий продуктовый обоз проскакивал опасный участок. В этой стране почва камениста и бедна, осадки скучны, каждый пятый ребенок умирает от бескорьи, не дожив до школьного возраста. Почему нужно уничтожать еду и убивать людей, совершенно бескорыстно привозящих её прямо в деревни, Майк не знал. Он вообще был простой парень и не мучился психологическими тонкостями загадочной восточной души. Задание было отвлечь и обеспечить доставку, вот он и обеспечивал. Майк ехал с ребятами в душном БТРе, прислушиваясь и приглядываясь к обступившим дорогу горам, иногда поглядывая на пасмурное небо, в ожидании гнусного, долгого дождя.

Однако, появление врага было внезапным. Первый БТР подорвался на мине, которую закопали в ямку на дороге и взорвали дистанционно. Одновременно взорвался последний грузовик, остальных, не взирая на грамотное сопротивление, загнали в соседнее ущелье и перестреляли, как цыплят. Правда, операторы американского спецназа не совсем цыплята: когда Майк очнулся, из нападавших уцелел только один. Он прятался за камнями, стрелял одиночными, быстро и непредсказуемо перемещался. Ну что ж, стрелять эти ребята умеют. В ответ единственный уцелевший американец, Ортис Кабрерра, стрелял из автомата МП6СД. Американцы тоже стрелять умеют, а Каб был по происхождению из американских индейцев и был обучен в Коронадской школе подготовки операторов спецназа. Сейчас у врага было преимущество: афганец быстро и ловко перемещался, а Каб лежал неподвижно. Майку никогда было рассуждать: пальнув на вспышку, он уложил афганца и пополз к Кабрерре. Чувствовал Майк себя премерзко: пуля, косо оцарапавшая лоб, вызвала сотрясение мозга и обильное кровотечение. Майка тошнило и мучило, голова кружилась и болела, хотелось лечь и гори все огнем. Чувавве пришлось хуже: он был ранен в позвоночник и находился на грани сознания от боли. Остальные погибли, и свои, и чужие.

Майк добросовестно обошел всех. Перевязал Кабрерру и вколол ему морфий. Майк положил под каждый труп по гранате, предварительно сняв чеку и накрыв ее трупом. Когда душманы придут хоронить своих и калечить трупы чужих, гранаты взорвутся, причиняя двойной ущерб, double casualties. Потом Майк связался с базой и доложил координаты.

«Вертолету здесь не приземлиться, слишком узкое ущелье», – подумал Майк. Наверху есть крошечное плато. До него недалеко, метров 800, но дорога горная и петляет. Майк выбросил все: оружие, медпакеты, паек. Оставил немного воды и одну гранату M64. Взвалил на плечи Кабрерру, тяжелого, как смерть. Его грязное колено уперлось в левую щеку, каска впилась в правое плечо. Дождь, как будто дожидался, тотчас полил вовсю. «Майк, я думаю...» неуверенно начал Каб. «Ты главное, о бабах сейчас не думай, а то твой джонсон натрет мне шею», – пресек сомнения Майк.

Вскоре ему, однако, сделалось не до шуток. Под ногами чавкала скользкая грязь и сыпались мелкие камушки, струйки воды стекали по штанинам и попадали в ботинки. Майк медленно шел вверх, даже не прислушиваясь, появились ли враги. Оба раненые и полуживые, они сегодня представляли собой легкую добычу.

Кабрерра испытывал сильную боль и ругался на двух языках, английском и испанском. Майк не тратил силы на разговоры: раз ругается, значит жив. Ему предстояло подняться вверх по довольно крутым склону с 200 фунтами на плечах, а голова немилосердно болела и саднила рана под наспех наложенной повязкой. Каб перестал ругаться и сказал тихо, «Майк, ты думаешь, что мы выберемся?» «Нет, я сейчас вообще ни о чем не думаю». С чего бы ему думать? Он вообще старался не мудрствовать и ставить перед собой только простые и близкие цели, достижение которых было реально. Сейчас он хотел принять душ на базе. До базы нужно было долететь на вертолете, а до вертолета нужно было дойти и донести Каба. Майк был человек простой и немногословный. Он шел, неся раненного друга, и в голове у него было мало других идей.

Время остановилось, или сделалось бесконечным. Вокруг были только серые камни, сквозь которые пробивалась трава. Сиреневые, голубые цветы. Желтая глина, размокшая под дождем. Вода в походной фляжке кончилась. Смертельно тошило и хотелось лечь. Перед глазами прыгали маленькие металлические шарики, блестя ртутным блеском. Ссадина на лбу кровоточила, дождь размывал рану, струйки воды, перемешанной с кровью, противно текли по лицу. Кабрерра ругался и стонал, игнорируя морфий, который Майк вколол ему сразу, еще до перевязки, и вторую дозу. Неожиданно Кабрерра сказал своим обычным, почти спокойным голосом. «Давай поговорим. Майк, тебе все равно не донести меня живым». Ага, бросить тебя здесь, а потом жить как ни в чем не бывало. Есть, пить, спать, смотреть ребятам в глаза. Может, еще к Монике твоей съездить, к ребятам твоим лохматым: «Ваш отец умер, как герой!» Нет уж, чёрта с два. Какая бесконечная дорога...

Майк прислонился к огромному камню, не снимая Каба с плеч. Сердце колотилось, проклятые шарики прыгали в глазах, и голова болела так, что хотелось снять ее и выбросить. «Послушай, не упрямься. Даже если и донесешь... Пуля в позвоночнике. Не надо быть гением, чтобы просчитать, что за жизнь меня ждет. Я не смогу больше ходить, буду доживать инвалидом всем

в тягость, только и делать, что искать способ покончить с собой. Оставь мне гранату. Оставь гранату, иди дальше. Кто тебя осудит?»
«Болтаешь», – буркнул Майк, отделяясь от камня.

Ноги скользили в грязи. Майк ориентировался в здешних горах, как домохозяйка в супермаркете. Он решил немного сократить путь, но прямая дорога оказалась круче, чем Майк предполагал. Возвращаться не было и мысли. В голове шумело, шарики разрослись и потемнели. Майка снова стошило. Он брел, медленно и тупо переставляя ноги в мокрых штанах. Грязь на ботинках уже весила тонну.

«Не дойти», – с тоской подумал Майк. «И вертолету здесь не приземлиться, слишком узкое ущелье. И до плато не дойти». Неужели эта мертвая земля, мокрые камни и грязь – это последнее, что ему суждено увидеть в жизни? Нет, ребята, Майк еще не сдался.

Футов за 400 до плато Майк решил отдохнуть. Гора в этом месте вплотную подходила к дороге. Майк прислонился к мокрому склону, осторожно сполз на землю. Кабрерра между ним и скалой уже заснул, сморенный двойной дозой. Голос в наушниках: «Как дела, лейтенант?» Майк сообщил координаты и состояние Кабрерра. Вроде обычным голосом, но майор Бойланд понял и спросил с армейской прямотой: «Парень, тебя сильно помяло?» «Обычно я в лучшей форме», – честно признался Майк. Майор помолчал. «Слушай, Майк, в такой ситуации действуй по своему усмотрению. С базы вышел вертолет». В английском языке нет слова ТЫ, поэтому слова майора прозвучали официально: «Действуйте по вашему усмотрению». Это был приговор Кабрерра. После такого приказа можно было встать и пройти те проклятые 400 футов до плато. К тому времени там уже наверняка приземлится вертолет. Маленький, двухместный. Там и одному Майку будет тесно, а двоим не поместиться. Решение принято за него. Майк не двинулся с места. Он был простой, не слишком тонко чувствующий человек, но слово «порядочность» он понимал хорошо.

Майк снял каску. Струи дождя намочили последнее, что оставалось сухим. Сполз на дорогу, устроился поудобнее на ногах у Кабрерра. После очередного приступа тошноты сделалось легче. Сердце перестало колотиться, шарики слились в кольцо. Приятное забытье смягчило краски и размыло формы. Ушли куда-то звук дождя и запах мокрой земли. Бесконечность....

«Эй, Майки!» Томас, чернокожий пилот осторожно трогал шею, искал пульс. «Не валяй дурака, сейчас, сейчас», длинные пальцы ловко распаковали лекарство. Вколол Майку пол-ампулы адреналина, остальные пол-ампулы вколол Кабрерра. Тот только замычал, не просыпаясь.

Пилот взвалил Кабрерра на плечи и зигзагами побежал вверх, молодой, жизнерадостный, как щенок, выпущенный на прогулку из душной квартиры. Майк ощутил прилив бодрости. Встал, надел каску. Когда прилетели за ним, он уже стоял на плато. Да чего там было идти, 400 футов. Четверть мили, не больше.

Земля – Орион – Монтака. Проблема! (55-словники)

Одиночество

Ольга-Клен

– Почему я всегда виновата? Ты купил электрочайник с дефектом? Я отвлекла. Не находишь очки? Я переложила. Проспал на работу? Я не завела будильник. Капающий кран, перегоревшая лампочка, извержение вулкана... Причиной каких бедствий я стала ещё? Эти сугробы тоже я намела?

Женщина повернулась возле могилы мужа и направилась к выходу. Немного отпустило. Будто и нет одиночества.

Казус

Милана Секоненко

– Теснотища! – взбунтовался Третий, начав толкаться налево-направо.
– Неймётся?! Всем тесно! – по обеим сторонам от Третьего завозились Второй и Четвёртый.
– Ну вот ещё, туда же! – с воплем Первый и Пятый изо всех сил упёрлись в стены, в начало и конец стручка.
Что-то подняло всех пятерых в воздух, щёлкнула створка и с криком «Свобода!» горошины полетели в кастрюлю.

Слон

Ирина Архипова

Слон был большим. Я наблюдала, как он неторопливо объедает лепестки с цветка моей надежды. Полуденное солнце подсвечивало очередной лепесток, и он, подхваченный гибким сильным хоботом, исчезал в слоновьей пасти. Пятый, шестой... Когда на цветке остался последний лепесток, нервы не выдержали. Я побежала к окну и замахала руками, прогоняя слона, который ещё утром был обычновенной мухой.

Земля – Орион – Монтака. Осеннее превращение (55-словники)

Липа
Ольга Альтовская

Осень. Липа за окном постепенно обнажается. Листва поблекла, пожелтела. В просветах – серое небо.

С утра, навевая тоску, идёт дождь. Липа стоит зарёванная, как в воду опущенная. Плачет по прошлому – капают слёзы. Жалкий вид... Мокрая курица...

Вышло солнце. Капли на ветках засверкали, словно бриллианты. Это небо утешает страдалицу – согревает, ободряет, уговаривая:
«Держись! Ещё не всё потеряно...»

Осень шуршала...
Марина Юнг

Осень шуршала, полыхала, курлыкала и шептала настойчиво: рисуй! Глянув в окно на буйство оттенков охры, Яся твёрдо решила: завтра! Даже принесла из кладовки холст и краски.

Потом завертелось: срочные официальные письма, звонки подруг, маминая просьба сходить вместе выбрать занавески... всего-то несколько дней!

Новый взгляд в окно отметил печальное превращение. Чёрная земля, пожухлые листья... Красота умерла.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Четвёртый конкурс Фонаризов

Мир велик, а я, как мышь в подвале, мне б коня!

Но он в спортивном зале...

Вера Рехтер

Загадки и хохот, веселые речи – хирурги латают беспечную печень.

Виктория Соловьёва

С большим серебряным мешком пошёл он грабить банк пешком.

Елена Ланина

Снеговик письмо шлет другу – мне бы жаркую подругу!

Вера Рехтер

Его принимают за Деда Мороза, а он за сосну принимает березу.

Наталья Сафонова

На золотом крыльце сидели те, кто работать не хотели.

Ольга-Клен

Кружась легко и неумело, пугает нас Снегурка в белом.

Гелия

** победитель в авторском зачёте*

Вера Рехтер

Мир велик, а я, как мышь в подвале, мне б коня!

Но он в спортивном зале...

Снеговик письмо шлет другу – мне бы жаркую подругу!

Наряжена елка, вздыхает пирог... он шубу стащил у селедки – продрог.

Очки, борода серебристо-седая – косой закосил в Новый год под Мазая.

Я вижу на валенке Деда Мороза оленя волшебного кучку навоза.

Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Шифровка»

ПК – Призрак Коммунизма
Галина Пиастро

НЛО – нелегальное литературное объединение
Ирина Архипова

ЧП – Чёрт Побери
Галина Пиастро

МРОТ – Министерство Разворота Оттуда Туда
Галина Пиастро

ОКНО – Отдел Крайне Никчемного Образования
Галина Пиастро

** победитель в авторском зачёте*

56

Галина Пиастро

ПК – Призрак Коммунизма

ЧП – Чёрт Побери

МРОТ – Министерство Разворота Оттуда Туда

ОКНО – Отдел Крайне Никчемного Образования

ЦБР – Центр Бюджетных Растрат

СКВ – Салон Косметических Вышивок

НЛО – Настольные Любовные Отношения

СВЕТ – Союз Восточно-Европейских Тюленей

БТИ – Бродячее Товарищество Истуканов

УК – Управляющая Компашка

Оглавление

Оглавление

I. Планета X

Командная игра «Четыре грани – 4»

Контрабас по пятницам. <i>Ольга Зимина</i>	4
Гамаюн. <i>Ольга Зимина</i>	11
Время молчания. <i>Ольга-Клен</i>	16

II. Планета ТАУКиТА

Проект «ПАС». Серия «Выбери и спрячь»

Боренька. <i>Marara</i>	22
Я, Котька и похудение. <i>Ольга-Клен</i>	26
Свет. <i>Виктория Соловьёва</i>	29
Рассказы о чуде, удаче и судьбе	
Сталкер. <i>Marara</i>	30
Необыкновенные письма	
О пользеничегонеделанья. <i>Ирина Ашомко</i>	34
Южное царство. Послание Жар-птице. Секретно. <i>Виктория Соловьёва</i>	35

III. Планета путешествий

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Варенье»

Райские яблочки. <i>Виктория Соловьёва</i>	37
--	----

Земля – Орион. Конкурс рассказов «Гражданочка»

Гражданочка. <i>Ольга Альтовская</i>	40
--------------------------------------	----

Земля – Орион. Конкурс прозы «Что будет?»

Шляпкино. <i>Милана Секоненко</i>	42
-----------------------------------	----

Созвездие Рыси. Четвёртый экспериментальный конкурс прозы

Косогор. <i>Виктория Соловьёва</i>	46
------------------------------------	----

Земля – Созвездие Южной Короны. Конкурс «Мои мемуары – 8»

Сова и Медведь. <i>Елена Ланина</i>	48
-------------------------------------	----

Выбор пути. Конкурс стихов и прозы «Бесконечность»

Задание. <i>ИЛИ</i>	50
---------------------	----

Земля – Орион – Минтака. Проблема! (55-словники)

Одиночество. <i>Ольга-Клен</i>	53
--------------------------------	----

Казус. <i>Милана Секоненко</i>	53
--------------------------------	----

Слон. <i>Ирина Архипова</i>	53
-----------------------------	----

Земля – Орион – Минтака. Осеннее превращение (55-словники)

Липа. <i>Ольга Альтовская</i>	54
-------------------------------	----

Осень шуршала... <i>Марина Юнг</i>	54
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Четвёртый конкурс	
Фонаризмов	
Мир велик, а я, как мышь в подвале, мне б коня! Но он в спортивном зале... <i>Вера Рехтер</i>	55
Загадки и хохот, веселые речи – хирурги латают беспечную печень. <i>Виктория Соловьёва</i>	55
С большим серебряным мешком пошёл он грабить банк пешком. <i>Елена Ланина</i>	55
Снеговик письмо шлет другу – мне бы жаркую подругу! <i>Вера Рехтер</i>	55
Его принимают за Деда Мороза, а он за сосну принимает березу. <i>Наталья Сафонова</i>	55
На золотом крыльце сидели те, кто работать не хотели. <i>Ольга-Клен</i>	55
Кружась легко и неумело, пугает нас Снегурка в белом. <i>Гелия</i>	55
Наряжена елка, вздыхает пирог... он шубу стащил у селедки – продрог. <i>Вера Рехтер</i>	55
Очки, борода серебристо-седая – косой закосил в Новый год под Мазая. <i>Вера Рехтер</i>	55
Я вижу на валенке Деда Мороза оленя волшебного кучку навоза. <i>Вера Рехтер</i>	55
Земля – Созвездие Летучей рыбы. Конкурс «Шифровка»	
ПК – Призрак Коммунизма. <i>Галина Пиастро</i>	56
НЛО – нелегальное литературное объединение. <i>Ирина Архипова</i>	56
ЧП – Чёрт Побери. <i>Галина Пиастро</i>	56
МРОТ – Министерство Разворота Оттуда Туда. <i>Галина Пиастро</i>	56
ОКНО – Отдел Крайне Никчемного Образования. <i>Галина Пиастро</i>	56
ЦБР – Центр Бюджетных Растрат. <i>Галина Пиастро</i>	56
СКВ – Салон Косметических Выщипов. <i>Галина Пиастро</i>	56
НЛО – Настольные Любовные Отношения. <i>Галина Пиастро</i>	56
СВЕТ – Союз Восточно-Европейских Тюленей. <i>Галина Пиастро</i>	56
БТИ – Бродячее Товарищество Истуканов. <i>Галина Пиастро</i>	56
УК – Управляющая Компашка. <i>Галина Пиастро</i>	56
Оглавление	57

Парад Планет Победители прозаических конкурсов

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

